

**СДЕЛАНО
В СССР**

**ЛЮБИМЫЙ
ДЕТЕКТИВ**

ОБЫЧНЫЕ КОМАНДИРОВКИ

Игорь Скорин

Сделано в СССР. Любимый детектив

Игорь Скорин

**Обычные командировки.
Повести об уголовном розыске**

«ВЕЧЕ»

1973,1976

Скорин И. Д.

Обычные командировки. Повести об уголовном розыске /
И. Д. Скорин — «ВЕЧЕ», 1973,1976 — (Сделано в СССР.
Любимый детектив)

ISBN 978-5-4484-8585-5

Остросюжетные повести Игоря Дмитриевича Скорина (1917–1998), много лет проработавшего в уголовном розыске, посвящены будням советской милиции. Автор не только рассказывает о разрешении сложнейших детективных коллизий, но и заставляет еще раз задуматься о главном – о воспитании нашей молодежи, о работе с трудными подростками, о том, что делается и должно быть сделано для профилактики преступлений.

ISBN 978-5-4484-8585-5

© Скорин И. Д., 1973,1976

© ВЕЧЕ, 1973,1976

Содержание

Исчезнувший нож	6
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Игорь Скорин

Обычные командировки.

Повести об уголовном розыске

Серия «Любимый детектив» была удостоена Премии МВД РФ в 2018 году.

Текст печатается по изданию: Скорин И.Д. Обычные командировки. Повести об уголовном розыске. М.: Моск. рабочий, 1980.

© Скорин И.Д., наследники, 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2021

Сайт издательства www.veche.ru

Исчезнувший нож

Начальник Управления уголовного розыска еще раз взглянул на телеграмму и протянул ее старшему инспектору по особо важным делам Дорохову:

– Придется вам, Александр Дмитриевич, разобраться с этим на месте. Вылетайте самолетом, с первым же рейсом. И хорошенько посмотрите. Впрочем, мне вас учить ни к чему...

На следующий день полковник милиции Дорохов оказался в этом южном городе и сразу же познакомился с делом по обвинению дружинника Олега Лаврова в убийстве местного парикмахера Сергея Славина. Если верить Лаврову, то получалось, что покойный Славин напал на него первым, хотел его зарезать, и дружиннику пришлось защищаться. Однако почему парикмахер на него набросился, дружинник объяснить не мог. Не было и объективного подтверждения этой версии. Нож, которым, по словам Лаврова, был вооружен нападавший, не нашли. Существовала и вторая версия. Лавров, распоясавшийся хулиган, набросился на Славина и, применив прием самбо, не рассчитал своих сил. Этой версии придерживался работник местного уголовного розыска капитан Киселев. Дорохов побеседовал с городским прокурором, который пообещал в ближайшее время поручить расследование убийства Славина своему следователю, и вернулся в милицию. Ему отвели кабинет начальника уголовного розыска Макарова, который вот уже целый месяц находился в больнице. Дорохов полистал тоненькую папку, где было подшито всего несколько протоколов допроса, и решил сам познакомиться с задержанным. Вскоре дежурный доставил к полковнику Лаврова.

– Итак, вы не хотели его убивать?

– Нет.

– Зачем же нанесли удар?

– А я его и не наносил. Парировал удар и выбил нож. Славин стал сопротивляться, и я сделал бросок. В самбо есть такой прием: подножка назад с колена. Все произошло быстро, подножка получилась почти рефлекторно. Раздумывать было некогда.

– Вы хорошо владеете самбо?

– Первый разряд.

– Если бы вы применили другой прием, без броска, чем бы это кончилось для Славина?

– Очевидно, я бы обезоружил его и доставил в милицию. В крайнем случае повредил бы ему руку.

– Так почему же вы не провели такой прием?

– Не успел. Он сказал, что меня убьет. Я увидел его глаза и поверил.

– Как он замахнулся ножом? Сверху?

– Нет. Замах был необычный. Славин выхватил нож из внутреннего кармана пиджака, резко отвел руку вправо и ринулся на меня.

– За что? Где вы стали ему поперек дороги?

– Не знаю.

– У вас есть ко мне просьбы, заявления?

– Нет.

Отправив Лаврова в камеру, Дорохов решил разобраться в собственных впечатлениях. Из материалов дела он знал, что Олег Лавров – механик завода сельскохозяйственных машин, студент второго курса технологического института вечернего отделения. Единственный сын в семье. Мать – врач, отец – на пенсии.

Держался он уверенно да и говорил, пожалуй, искренне. Иначе зачем ему нужно было рассказывать о других приемах, позволяющих обезоружить парикмахера без нанесения тяжелых телесных повреждений? Ну, допустим, самбист-перворазрядник знает не менее десятка различных приемов защиты от удара ножом. Мог предполагать Лавров, что Дорохову об этом

неизвестно? Вряд ли. Он, наверное, слышал, видел в кино, читал – в общем, представляет, что сотрудников уголовного розыска обучают самбо. Следовательно, по меньшей мере глупо скрывать, что он не знает несколько других приемов.

Лавров говорил, что замах ножом был особый: справа и сбоку. Есть такой коронный удар в старомексиканской кинжальной школе. Быстрый, резкий, с шагом вперед, называется «терция». А как бы он сам, Дорохов, парировал этот удар? Отбил бы руку нападавшего, ушел влево и вперед, затем ребром ладони ударил бы по предплечью, и нож вылетел бы в сторону. А потом? Потом правая рука должна была машинально лечь на плечо противника. Так, блестящее положение для задней подножки с колена. Лавров – парень высокий, метр восемьдесят, не меньше, и если допустить, что покойный Славин был не коротышка, то для броска следовало опуститься на колени. Похоже, что Лавров не врет.

Полковник закурил, пододвинул к себе стопку чистой бумаги. Верхний лист чертой разделил пополам. С левой стороны написал: «Установлено», с правой: «Проверить». И тут же в левой части пометил: «Скорая помощь». В деле Дорохов прочел, что Лавров сам вызвал «скорую», назвал свою фамилию и сказал, что он ранил человека. На другой стороне листа написал: «Уточнить время и очередность появления свидетелей на месте». Постукивая по столу карандашом, полковник задумался. За бытность свою в уголовном розыске он распутал множество разнообразных дел. Но действия преступников в одном были схожи – все они старались как можно быстрее скрыться. Мог ли Олег Лавров, совершив убийство, уйти незамеченным, не поднимая шума? Конечно мог. И с левой стороны листа появилась еще строчка о том, что Лавров пришел в милицию сам и рассказал о случившемся.

Дорохов отодвинул бумагу, отложил карандаш и начал рассуждать. Неглупый парень Лавров? Похоже, неглупый. А как должен поступить умный преступник, совершив убийство? Стоит ли ему бросать родной дом и бежать за тридевять земель? Нет, не стоит. Все равно найдут. Все равно поймают, это знает каждый мальчишка. Когда был вызов «Скорой помощи»? В 23 часа 42 минуты, сообщал... Так. В это время еще не все спят. Мог предположить Лавров, что его кто-то видел, ну, скажем, из окна дома? Мог. Мог допустить, что его узнали? Естественно. Ведь живет в этом районе с детства. А раз узнали, сообщат, куда следует. Что же ему остается делать в таком случае? Лучше всего явиться с повинной, но при этом выдумать историю с нападением. Логично для умного человека? Вроде бы логично. Полковник прошелся по комнате, распахнул окно, выходящее на шумную, залитую солнцем улицу. Задержался возле книжного шкафа и сквозь застекленную дверцу стал рассматривать корешки книг. Увлечшись, не сразу заметил вошедшего старшего инспектора капитана Киселева.

– Хорошая юридическая подборка у вашего начальника, – заметил полковник.

– Он у нас по части теории специалист.

– Как его здоровье?

– Плохо. Давление высокое и с сердцем перебои. – Капитан вытер лицо большим красным платком. К московскому начальству он явился при полном параде. На долговязой, сутулой фигуре сидел мешковато штатский темно-синий костюм, воротничок белой рубашки, стянутый шерстяным галстуком, уже был мокрый от пота.

Капитан просто изнывал от жары, но держал марку.

– Макаров знает о деле Лаврова?

– Знает. Он ведь у нас сам молодежью занимается, вместе с Роговым, начальником штаба дружины, в которой был Лавров. Рогов у нас внештатный инспектор уголовного розыска. Вот они вдвоем и доигрались. Подвела их профилактика.

В голосе капитана Дорохову послышалась усмешка. И он удивленно переспросил:

– А вы что, не верите в профилактику?

– Почему? Верю. Только и она от всех бед не спасает. Вот Макаров все вечера в дружине, все свободное время там, а толку? Дружинник взял да и убил человека. Да что я вам все это рассказываю. Вы и сами разберетесь.

– Разберусь, – согласился Дорохов. – Однако придется начинать все сначала. Давайте-ка съездим на место происшествия. Это далеко?

– Квартала четыре, с километр. На машине?

– Лучше пешком.

Полковник собрал со стола документы, сложил их в сейф, оглядел экипировку Киселева.

– Что, похолодало?

– Да нет, в тени под тридцать.

– Ну, тогда уж извините, я-то пиджачок оставляю. – Достал из пиджака, висевшего на спинке стула, бумажник, авторучку, блокнот и рассовал по карманам брюк, одернул спортивную рубашку, надел темные очки. – Пойдемте.

Вернувшись с допроса, Лавров разделся, аккуратно сложил брюки, расправил складки, разложил их на нарах, ковбойку повесил на деревянный колышек, забитый в стену, видимо, его предшественником. Оставшись в одних трусах, он подошел к полке, на которой лежали половина кирпичика черного хлеба, два белых батона, сливочное масло в стакане, яблоки и несколько пачек сигарет «Новость». Достал сигарету, улегся на нарах и, изредка стряхивая пепел в щель между отполированными до блеска досками, задумался.

В первый день его посадили в общую камеру, а потом перевели в отдельную. Это хорошо: можно спокойно думать, и никто не лезет с расспросами и советами. Вот уже какой день его преследовала одна-единственная мысль, она была надоедливой, навязчивой и просто не давала покоя. Он никак не мог понять и решить для себя, почему, за что его хотел убить Славин. Знать-то его Олег знал, да и кто в их городе не знал Сергея-парикмахера? Ну стригся у него, изредка перед торжественными днями брился. Встречал его на улицах с разными девчонками, иногда во Дворце культуры. Знал, что парикмахер частенько играл в карты. Но он, Олег, никогда с ним не ссорился, более того, наверное, не сказал ему и десяти слов. Встретятся: «Сергей, здорово!» – «Привет!», и все. За что же тот хотел его пырнуть ножом? Олег в который раз до мельчайших подробностей вспоминал тот вечер. Шестые сутки он здесь, а кажется, целый год... И зовется он теперь убийцей. Какой же он убийца? Ведь если бы не стал обороняться, то лежал бы в земле, а на его месте сидел бы этот Сергей... Сидел бы? А может, его еще и не успели бы найти. Интересно, пошел бы Славин так же, как и он, с повинной? И зачем он выбрал этот безлюдный двор и арку, где не было ни души? Наверное, остерегался свидетелей. Тогда как же узнал, что он, Лавров, пройдет именно там? Следил за ним? Может быть, и следил. Нужно сказать полковнику, что скорее всего так и было. Сказать? Но поверит ли ему полковник?

Когда вызвали на допрос, он сначала подумал, что снова Киселев будет уговаривать его, чтобы он не врал про нож, а прямо сказал, что не было ножа, а просто была драка и убил он Славина случайно, по неосторожности. Но как же можно убить случайно человека? Ведь он, зная приемы самбо, применил один из них в том самом исключительном случае, защищаясь, спасая свою жизнь. Тренер чуть не ежедневно твердил им, что приемы самбо можно применять только в спортзале.

Олег обжег пальцы сигаретой, отбросил окурочок в сторону, встал, прошелся, три шага туда, три обратно, взял с полки яблоко. Яблоки принесла мама. Бедная мама! Она всегда волновалась – то за здоровье Олега, то за его отметки, то лечила отца, то торопилась к своим больным, хлопотала дома. Капитан Киселев разрешил свидание с родителями. Мать бросилась к нему, обняла, с трудом сдерживая слезы, а отец молчал. И показался совсем-совсем старым. Потом подошел к Олегу, взял за подбородок, приподнял голову и горестно обронил: «Верю тебе, сын, верю, что ты защищался». И, поддерживая мать, ушел.

Конечно, если бы накануне не подвернулся Степка Ручкин, наверно, ничего и не случилось бы. Надо же, нализался, как собака, и свалился на центральной улице. Не мог же Олег допустить, чтобы этого дурака уволокли в вытрезвитель! Он вспомнил, как тащил Степана домой, а потом выяснилось, что напился тот с отчаяния. Ушла от него жена и оставила маленькую дочку. Откуда только берутся такие подлые женщины? Ушла к другому, бывает. А вот чтобы бросить ребенка, нужно быть законченной негодяйкой. Когда Степан чуть-чуть протрезвел и начал изливать свое горе, девочка проснулась и заплакала. Олег накормил ее, благо в холодильнике оказалось молоко, и долго утешал обоих. Степан заснул, а девочка еще куксилась. Олег сидел допоздна, не решаясь оставить ребенка с пьяным отцом.

На следующий день он опять заглянул к Степану, нет, сначала зашел с ребятами в общежитие, потом пошли к кинотеатру посмотреть за порядком, а часов в десять вечера отправился к другу. Степан был трезвый как стеклышко. Девочка спала, и они долго разговаривали. Степан жаловался на жизнь. Ругал жену. Сказал, что взял отпуск за свой счет и отвезет дочку к тетке в деревню, что тетка у него хорошая, и, может быть, ему удастся перетащить ее к себе. У Олега были с собой деньги – пятьдесят рублей. Не раздумывая, он отдал их приятелю: уезжая, жена забрала деньги все до копейки. Посидел еще немного и заторопился. Это было в половине двенадцатого. Что произошло потом, врезалось в память с небывалой ясностью. Он вышел из подъезда. Накрапывал теплый дождь. На скамейках и в беседке никого не было. Олег пересек двор и, когда подходил к высокой арке, услышал сзади быстрые шаги, оглянулся и в ярком свете люминесцентных ламп увидел приближающегося мужчину. Он сразу узнал парикмахера. Тот шел пошатываясь: явно был пьян. Откуда он появился, Олег не заметил.

– Лавров, подожди! Есть дело! – крикнул Сергей.

Никаких дел с парикмахером Олег не имел и поэтому удивился. Ему не хотелось разговаривать с пьяным, и он миролюбиво посоветовал:

– Пойди проспись, Сергей! – повернулся и пошел в глубину арки.

Славин, выругавшись, бросился за ним.

Олег не испугался, скорее, удивился наглости, в общем-то, всегда вежливого и спокойного парикмахера. Он остановился, когда парикмахер был от него уже в нескольких шагах, под самым фонарем, укрепленным в центре свода арки. Славин выхватил из внутреннего кармана пиджака большой нож, замахнулся и бросился к нему.

Там было светло, очень светло, и Олег отчетливо увидел в глазах парикмахера отчаянную решимость. Все остальное произошло почти мгновенно. Олег блокировал вооруженную ножом руку парикмахера, тот взвыл, пытался вырваться, и тогда он сделал этот злополучный бросок. Когда парикмахер уже лежал, а нож, звякнув о брусчатку, откатился в сторону и Олег ждал нового нападения, он вдруг заметил, что изо рта лежавшего Славина поползла струйка крови. Еще не веря в случившееся, он бросился к парикмахеру, приподнял его, попытался нащупать пульс, потом выскочил на улицу и, увидев двух пожилых людей – женщину и мужчину, подбежал к ним и стал просить побыть с человеком, которому плохо, пока он вызовет «скорую помощь». Они пошли к арке. Сам он опрометью побежал к телефону. Когда приехала «скорая», под аркой уже собрались люди. Олег ждал, что скажет врач, нагнувшийся с фонендоскопом к Славину. Но тот обронил единственное слово: «Убийство» – и приказал шоферу своей машины вызвать по радиотелефону следователя и милицию. Олег как-то сразу обессилел и, пошатываясь в полузабытьи, побрел в городской отдел милиции. Вслед ему неслись какие-то жуткие, зловещие голоса: «Убийство, убийство, убийство». Прошла почти целая неделя с той злополучной ночи. Но он никак не может понять, почему на него набросился парикмахер, куда делся нож, выпавший из руки Славина. Олег запомнил его отчетливо: широкое лезвие и белая ручка, скорее всего из пластмассы.

Дорохов и Киселев вышли на широкую, людную улицу. Дневная жара спала, и от политого асфальта тянуло приятной свежестью. Вдоль тротуара росли молоденькие липы, их веселые зеленые шапки уже давали желанную прохладу.

– Когда-то здесь, – Киселев обвел взглядом окружающие дома, – были пустыри, бараки и мусорная свалка. – Показал на здание кинотеатра, возвышающегося над зеленью сквера: – Построили недавно, а раньше был рынок-толкучка.

Дорохов слушал рассеянно, рассматривая дома и улицы. Действительно, в последние годы почти все города, в которых ему доводилось бывать, изменились, похорошели, выросли, покрылись зеленым нарядом парков и скверов. Такая у него работа – разъезжать по стране. Иной раз и не знаешь, куда попадешь на следующий день. Еще вчера он никак не предполагал, что сегодня ему придется разгуливать по этим местам.

Дорохов давно взял себе за правило: принимаясь за новое дело, самому осмотреть место преступления, попытаться представить себе, как все произошло. Разобраться в показаниях очевидцев, убедиться в основательности выводов, сделанных другими сотрудниками. За долгие годы работы в уголовном розыске у Александра Дмитриевича выработалась своя тактика: доверяя, проверять и все подтверждать неоспоримыми доказательствами, и только тогда делать выводы. Вот и сейчас, отправляясь туда, где было совершено убийство, он шел и думал о том, что разобраться в деле Лаврова помогут только факты – неопровержимые улики, реабилитирующие дружинника или подтверждающие его вину.

Они пересекли длинный и широкий сквер и подошли к просторной беседке. Киселев дотронулся до руки полковника:

– Вот смотрите, Александр Дмитриевич, здесь когда-то стояли сараи, а на месте беседки была голубятня, большая, в несколько отсеков и этажей. Принадлежала она троим друзьям, и голуби их славились на всю округу. Собиралась сюда местная шпана. Вечно пьянки, драки, поножовщина. Больше десяти лет нет этой голубятни, да и сами голубятники сгинули, а вот традиции кое-какие уцелели. Чего мы тут только не предпринимали: и разгоняли, и дружинников здесь целую группу держим, а толку чуть – продолжают собираться и, представьте себе, по вечерам концерты закатывают такие, что не хочешь, да заслушаешься: две-три гитары, аккордеон, и поют.

– А что в этом дурного? Пусть себе поют.

– Если бы только пели! Пьют, в карты играют, дерутся.

– Это плохо. Поближе бы с ними познакомиться...

Киселев усмехнулся:

– Макаров с Роговым их всех наперечет знают...

Они вышли из сквера и подошли к маленьким разнокалиберным домикам-гаражам. За ними открылась широкая улица, застроенная современными домами. Три больших здания вплотную примкнули друг к другу, как бы образуя букву «П». Капитан подвел Дорохова к арке одного из домов и остановился:

– Вот здесь все и произошло.

Дорохов осмотрелся. Высокая арка тоннелем проходила сквозь здание и открывала вид на зеленый двор. Киселев указал в глубину:

– Видите вот тот средний подъезд? Там живет Степан Ручкин, оттуда и вышел Лавров, а здесь посередине, прямо под лампочкой, что под сводом, лежал Славин.

Дорохов долго стоял под аркой, что-то обдумывая, ходил по двору, смотрел на подвешенные люминесцентные лампы. «Приду сюда еще раз вечером, – решил он, – ближе к тому часу, когда все произошло».

– Что ж до сих пор Ручкина не допросили?

– Не нашли. Уехал он, Александр Дмитриевич, взял отпуск на десять дней и повез ребенка к родственникам в деревню, а куда – неизвестно.

- Нужно найти. Возможно, он что-то знает.
- Найдем. Да он скоро и сам появится.

Они походили еще по двору и направились в городской отдел милиции. Полковник спросил у Киселева:

- Где тут у вас заводская дружина?
- Штаб во Дворце культуры.
- Далеко?
- Да нет, будем проходить мимо.
- Давайте заглянем!

Капитан замялся. Видно, ему не очень-то хотелось идти к дружинникам, и он, взглянув на часы, отговорился:

- Может быть, в другой раз? Уже восемь часов, а мне еще постовых милиционеров проверять.
- Хорошо, я один зайду.

...В большой комнате было шумно. Сидящий за столом парень лет двадцати пяти сердитым голосом что-то втолковывал обступившим его дружинникам. Среди собравшихся мелькали девичьи лица. Остановившись в стороне, Александр Дмитриевич прислушался. Бойкий паренек лет девятнадцати пытался оправдаться:

– А что мы можем? Вчера я им говорю: «Нужно соблюдать порядок», а они в ответ: «Пошел ты знаешь куда? Сами научитесь соблюдать». Я говорю: «Пойдемте в штаб», а они: «Если не пойдем – бить будешь?»

– Подожди, Зотов, – отстранил говорившего здоровенный парень. Куртка так плотно облегла его торс, что казалось, стоит парню сделать резкое движение – и все швы тут же разойдутся.

«Ну и здоровяк, – подумал Дорохов. – Копия чемпиона по штанге Василия Алексева».

– Нужно что-то придумать, Рогов, – возмущенным басом продолжал «чемпион». – С того дня, как все это случилось, шпана распоясалась. На что уж меня все слушались, а сегодня в обеденный перерыв подходят в столовке два пьянчуги и так нахально спрашивают: «Допрыгались, дружиннички? Вас еще не разогнали? А зря! Сами-то вы хуже бандитов стали».

– Ну и что же ты им, Семен, ответил?

– Не надейтесь, говорю, дружина как была, так и будет. А если нужно, то и беседку разберем.

– Зачем же разбирать беседку? Пусть стоит, – медленно проговорил Рогов.

– Да! Как же дальше-то, Женя? – протиснулась к столу худенькая черноглазая девушка с короткой стрижкой каштановых волос. – Как нам быть дальше? Вчера вечером иду через сквер, в беседке человек десять ребят, двое с гитарами. Пьют водку и орут песни. Увидели меня и кричат: «Зинуха, заходи! Выпей с нами за упокой души Сереги-парикмахера, а заодно и за упокой своего приятеля. Не миновать ему расстрела!»

Рогов хотел что-то сказать, но увидел Дорохова, насторожился, решил, что и так было слишком много сказано при постороннем.

– Вам что, товарищ?

– Вы начальник штаба Рогов? – в свою очередь поинтересовался Дорохов.

– Да.

– Тогда я к вам.

Полковник, порывшись в своем бумажнике, достал вчетверо сложенный листок и протянул его Рогову. Начальник штаба быстро пробежал глазами документ. По мере того как он читал, лицо его менялось, хмурые складки на лбу разгладились.

– Ребята! Из Москвы прислали полковника милиции Дорохова специально заниматься делом Олега.

Девушка, разговаривавшая с Роговым, подошла к гостю, которого сразу окружили дружинники, и с надеждой спросила:

– Олега освободят?

В комнате воцарилась тишина. Вопрос этот, видимо, волновал всех.

– Вы думаете, это так просто? Одни посадили, другие освободили? Меня прислали специально разобраться. В ответ на телеграмму, которую товарищ Рогов отправил в Москву, – медленно подбирая слова, проговорил полковник.

Сразу заговорили несколько человек, но их остановил Рогов:

– Подождите, ребята! Дайте я скажу. Лаврова мы знаем давно. Многие вместе учились с ним в школе. Вот уже три года в одной дружине. Олегу мы верим. Если он говорит, что у парикмахера был нож, значит, нож был на самом деле.

– Тогда у меня ко всем вам просьба: разыщите этот самый нож. А вы, товарищ Рогов, если, конечно, не очень заняты, помогите мне кое в чем разобраться, – попросил Дорохов и вместе с начальником штаба дружины направился было к выходу, но его остановил напряженный, ищущий взгляд той девушки, что спрашивала о Лаврове.

– Вас, кажется, зовут Зина?

– Да, Зина Мальцева.

– Вот что, Зина, когда вы завтра освободитесь?

– Я свободна, – быстро ответила девушка.

– Ну и прекрасно! Приходите ко мне в городской отдел днем, часов в двенадцать.

Дорохов и Рогов вышли из Дворца культуры, полковник с интересом поглядывал на парня.

– Давайте знакомиться! Меня зовут Александр Дмитриевич, вас Евгений... а отчество?

– Просто Женя.

– Ладно, договорились. Вы знаете, где живут Лавровы?

– Конечно.

– Сходим к ним, хочу поговорить с родителями.

– Скажите, Александр Дмитриевич, а как с ним, с Олегом?

– Ну вот и ты, Женя, тоже. Об Олеге, будет время, мы с тобой еще потолкуем. Лучше расскажи о себе, о дружине...

– Дружина как дружина, – в голосе парня послышалось разочарование.

Полковник взял Рогова под руку и молча прошел несколько шагов.

– Вы все хотите от меня скоропалительного ответа и не желаете понять, что я еще и сам толком во всем не разобрался. – Он остановился, придержал своего спутника: – Да ты не обижайся. Справедливость, она, брат, восторжествует. Не сомневайся. Ну, и какие у вас дружине ребята?

Они шли медленно, и Рогов не торопясь рассказывал, что народ у него хороший, дружный, в основном комсомольцы завода сельскохозяйственных машин, что они очень охотно принялись наводить порядок в своем районе, что дружина занимала первое место в городе, но вот случай с Лавровым может запятнать коллектив, но все равно они уверены, что Олег невиновен. Наконец они обогнули здание кинотеатра, и Рогов указал на многоэтажную башню.

– Вот мы и пришли. Думаю, не очень-то нам обрадуются.

На пятом этаже, на двери, обитой коричневым дерматином, была прикреплена медная дощечка с выгравированной надписью: «Лавровы». Им открыла дверь немолодая женщина с высоким лбом и скорбно сжатыми губами. Увидев Рогова и незнакомого мужчину, насторожилась.

– Есть что-нибудь новое? – голос женщины дрогнул.

– Калерия Викторовна, полковник из Москвы приехал, хочет с вами побеседовать, – сказал Рогов.

– Проходите, пожалуйста. – Она провела их в скромно обставленную гостиную. Дорохов рассказал о цели своего приезда.

– Вас в первую очередь, как я поняла, интересует истина... – несколько иронично произнесла Лаврова, – а местные товарищи считают, что она у них в кармане. – В ее глазах вспыхнули искорки гнева.

«Какое хорошее лицо! – подумал Дорохов. – А сын похож на мать. Глупо отрицать физиономику. Редко встречались мне подонки с красивыми, благородными лицами, просветленным взглядом». Он почувствовал, что мать Олега вот-вот спросит прямо в лоб, считает ли и он, что ее сын убийца, и поспешил ее опередить:

– Расскажите мне, Калерия Викторовна, об Олеге. Как рос, чем увлекался, в общем, какой он.

– Олег в детстве был болезненным, да к тому же еще у него плохо со зрением – сильная близорукость, – тихо начала Лаврова.

Александр Дмитриевич вспомнил прищуренные глаза парня, когда его привели на допрос. Тогда он еще подумал, что Лавров позирует, а оказывается, все гораздо проще – он плохо видит. Осторожно спросил:

– А он постоянно носит очки?

– Постоянно, – вздохнула женщина. – У него минус четыре. Из-за этого все и пошло. Очки он надел еще во втором классе, а дети в этом возрасте довольно жестоки. «Очкарик да очкарик». А мальчишка был самолюбивым. Вот тут у него появилось желание стать сильным. Захотел заниматься самбо. Два года его не принимали в секцию. Ну, потом уступили упорству, да и муж помог, жаль, что его сейчас нет дома.

Дорохов внимательно слушал и мысленно старался решить новую задачу. Если Олег плохо видит, то мог ли он в темноте рассмотреть нож? Не тут ли разгадка?

– Терпеть не мог домашнюю работу, ни уму, ни сердцу, по его словам, а делал. Характер вырабатывал, – горько усмехнулась женщина.

Она поняла, что увлеклась подробностями, но уже не могла остановиться и все говорила о друзьях сына, о недавно возникшей привязанности. О том, что Олег дружит с Зиной, да, да, с той самой Зиной Мальцевой, что они с мужем, заметив это, посоветовали сыну приглашать девушку к себе домой. Зина бывает у них часто. А когда случилось это несчастье, взяла отпуск и все дни сидит у них дома. Хорошая девушка: добрая, ласковая, отзывчивая.

– Скажите, Калерия Викторовна, а какой у Олега характер – мягкий, уравновешенный, вспыльчивый?

– Разве можно определить человека вот так однозначно? Какой он? Добрый? Да, когда нужно, то добрый, но не без разбора, не слюняй. Честный? Я уверена, что да. Я знаю, вы подумаете, какая мать скажет иначе. Но он действительно никогда нам не лгал. Мог бы соврать только в одном случае – если эта ложь кому-то очень понадобилась. Ну, скажем, захотел спасти друга. Но и тогда Олег просто сказал бы, что сделал он. Была однажды в школе у него такая история.

– Часто ли Олег возвращался домой поздно? И всегда ли трезвым?

– Олег не пьет. Совсем не пьет. И товарищи это знают. Ему один окулист сказал, что зрение сильно ухудшится, и он не прикасается к спиртному. Самбо, спорт тоже не любят пьяниц. Курить и то начал лишь в прошлом году.

– Понятно... – протянул Дорохов. – У меня к вам просьба: позвольте взглянуть на комнату Олега.

Дорохов знал, что мир вещей иногда может рассказать о своем хозяине куда больше, чем люди.

Узкая, длинная комната заканчивалась балконом. В комнате стояла небольшая тахта, письменный стол и по стенам книжные полки. Рядом с дверью – секция шведской стенки, за

ней – на деревянной платформе боксерская груша, на полу несколько пар гантелей разного веса. На письменном столе – стопка общих тетрадей, технический справочник, две авторучки. Казалось, что хозяин комнаты вот-вот вернется и снова сядет за свои конспекты. Дорохов взглянул на книги, расставленные на полках, попытался отыскать художественную литературу. Калерия Викторовна пришла ему на помощь:

– Здесь у сына только учебники и по спорту. Вся наша библиотека в коридоре, на полках. Он много читает, но говорит, что хорошая книга под рукой ему мешает заниматься, отвлекает.

«Не очень понятно, что же за парень этот Олег», – подумал Дорохов, выходя из квартиры Лавровых.

– Жаль, что не было дома самого. Интересный у Олега отец и Калерия Викторовна славная. В прошлом году ей звание заслуженного врача РСФСР присвоили. Тяжко им. Верят они сыну. – Рогов сделал паузу. – Да и мы все ему верим.

– Это хорошо, когда человеку верят, – согласился Дорохов и предложил: – Сходим с тобой, Женя, на то место, где все случилось.

Рогов повел полковника проходными дворами, и они быстро пришли к злополучной арке. Александр Дмитриевич взглянул на часы. Стрелки показывали двадцать три часа тридцать минут. Несколько дней назад в это же время здесь разыгралась трагедия. Дорохов знал, что в тот вечер шел дождь, но сегодня было сухо. Оба прошли по двору, спугнули в беседке парочку, подошли к подъезду, где жил Степан Ручкин, а потом вернулись к арке. Дорохов пристально осмотрел все вокруг, попросил Рогова снова вернуться к подъезду. Сам остановился возле клумбы, зачем-то пробрался в кусты жасмина, росшие в центре двора, подождал, пока Рогов приблизится к арке, и, крадучись, прямо по цветнику направился за ним. Под аркой он спросил Рогова, видел ли тот, где он, Дорохов, шел.

Евгений не понял, чего хочет от него полковник, и извиняющимся тоном ответил, что его не заметил. Дорохов еще раз зачем-то вернулся к центру двора, что-то пытался отыскать на земле, но потом, безнадежно махнув рукой, возвратился к своему спутнику.

Александр Дмитриевич пытался мысленно воспроизвести картину случившегося, понять и разобраться в действиях человека, совершившего преступление, а потом представить все его дальнейшие поступки. На месте ему лучше думалось. Вот и сейчас он пытался найти то, чего днем не заметил. Правда, он ничего не нашел, однако кое-что уже мог представить...

Обратно шли через сквер. Возле опустевшей беседки, той самой, в которой, по словам Киселева, собирались хулиганы, остановились. Александр Дмитриевич, словно почувствовав невысказанную просьбу Рогова, предложил:

– Посидим, покурим.

Беседка была с большим самодельным столом посредине и длинными скамьями. Чисто выметенный пол. Ни окурков, ни пыли. Рогов улыбнулся:

– У них тут свой порядок. Где-то в кустах прячут веник, ведро, тряпку и обязательно стаканы, а то и закуску. По очереди – конечно, не из тех, кто верховодит, – убирают.

Александр Дмитриевич вдруг спросил:

– А этот самый Славин бывал здесь?

– Бывал. Здесь многие бывают. Соберутся выпить – и сюда. Беседка у них называется «Подожди немного».

– Ну, не очень оригинально! Правда, у Луи Буссенара так называются небольшие роши. Мальчишкой я этим «Капитаном Сорвиголова» зачитывался... Ну так вот, дорогой Женя, о Лаврове. Все, что есть в деле, работает против вашего Олега. Посуди сам: Лавров говорит, что парикмахер был пьян. А по заключению биологической экспертизы в организме Славина алкоголь полностью отсутствовал. Лавров говорит, что был нож, а его никто не видел. Есть еще

одно, не менее важное обстоятельство. Вот ты скажи мне, Женя, почему Славин хотел убить вашего дружинника? Что между ними могло произойти?

– Так вы Олегу не верите? – не выдержал Рогов.

– Подожди! – поморщился Дорохов. – При чем тут верю – не верю? Я говорю о фактах. А они свидетельствуют против Лаврова. Криминалисты, следователь, прокурор, наконец, суд в первую очередь рассматривают факты.

– Так что же делать?

– Набраться терпения и искать факты, подтверждающие показания Лаврова. Кстати, у меня тоже появилось сомнение, – медленно проговорил Дорохов.

– Какое?

– Понимаешь, Лавров мог добросовестно заблуждаться. Ему могло показаться, что у Славина был нож. Все-таки зрение у него плохое.

– Допустим, что нож Олегу привиделся, но ведь парикмахер прямо сказал, что его убиет. На слух-то Олег не жалуется.

– Лавров – сторона заинтересованная. Нужны доказательства. Кстати, сколько у тебя дружинников?

– Около трехсот. Я отобрал человек двадцать активистов, чтобы работать по этому делу. Сказал капитану Киселеву, а тот отмахнулся: «Хулиган ваш Лавров». Жаль, что Георгий Петрович Макаров болен. Был я у него сегодня в больнице.

– Ну и как он?

– Да пока неважно. Давление держится.

– О деле Лаврова он знает?

– Конечно. Это ведь он мне посоветовал вам в Москву телеграмму послать. Я три года работаю у него внештатным инспектором. А вы, Александр Дмитриевич, не собираетесь навестить Макарова в больнице?

– Обязательно. Вместе и ходим. А вы как считаете, почему Киселев так настаивает на виновности Лаврова?

– Киселев? – Начальник штаба как-то замялся. – Захар Яковлевич, мягко говоря, человек своеобразный. Например, терпеть не может тех, у кого длинные волосы. В его представлении все они, как один, балбесы. Ходят с гитарами и поют – плохо. Джинсы носят – нехорошо. В его время молодежь была другая. А какая? Хуже, лучше? Не такая, и все. Может быть, Киселев настроен так недоверчиво к людям, потому что все время имеет дело с подонками – он розыском преступников занимается: алиментщиками, теми, кто своих детей бросил и скрывается. Вот и потерял веру в человеческую порядочность.

Они покинули беседку, подошли к гостинице, где остановился Дорохов.

– Скажите, Женя, вы как завтра работаете?

– У меня набралось дней десять отгулов за работу в колхозах. Я могу договориться на заводе и прийти к вам в любое время.

– Тогда приходите завтра в отдел, а к вечеру соберем ваш актив и вместе решим, что делать дальше.

Дежурная гостиницы, приветливая женщина, передавая Дорохову ключ, сказала, что около десяти вечера ему звонил капитан Киселев.

– Что-нибудь просил передать?

– Нет, только спросил, возвратились вы или нет. – Женщина помедлила и, взглядевшись в усталое лицо полковника, предложила: – У нас в гостинице душ работает круглые сутки. Есть чай.

– Спасибо. С удовольствием.

После душа Александр Дмитриевич словно воскрес. Дома знали, что, взявшись за новое дело, он мог пропустить обед и ужин, поэтому готовили ему с собой всякую снедь. Достал из

чемодана целлофановый пакет с домашним печеньем, с конфетами и пачкой чая и спустился на первый этаж к дежурной.

– Сами будете заваривать, Александр Дмитриевич? Заглянула в вашу карточку и прочитала, что вы полковник милиции, к нам в командировку, на какой срок, неизвестно. Меня зовут Нина Николаевна, я в этой гостинице с первых дней, как построили.

Дорохов поколдовал над фарфоровым чайником, и, когда темный, точно устоявшийся гречишный мед, чай был разлит по стаканам, Нина Николаевна усмехнулась:

– Я уже привыкла к тому, что у москвичей первое дело – чай. И не просто там засыпал в чайник, плеснул кипятку – и пей. У каждого свой способ, вот и не рискнула сама заварить. – Нина Николаевна задумалась и сразу стала серьезной. – Вы, наверное, приехали насчет Лаврова? – И, не дожидаясь ответа, вздохнула: – Я ведь обоих знаю. Сергей у нас тут в гостинице в парикмахерской поначалу работал, а года три, как перешел в салон. Ничего был парень. Раньше они с матерью в соседнем бараке жили. Знаю их давно. Очень уж убивается женщина. А то как же! Сын ведь родной. Вчера встретила в магазине, вся в черном и сама черная. Жалко мне ее стало. Да и Сергея жалко. Погиб-то уж больно глупо. Что у них там с Олегом получилось, не знаю, люди разное болтают.

– Что же, Нина Николаевна, говорят?

– Вам-то лучше знать, что правда, а что нет.

– Не успел я еще разобраться. Ведь только сегодня с самолета.

– Одни говорят, что Сергей хотел отомстить Олегу, только вот за что, никому не ведомо.

Говорят, будто он даже следил за Лавровым.

Дорохов насторожился. Отставил стакан, хотел спросить, но смолчал, решив дать Нине Николаевне высказаться.

– Другие ругают дружинников: мол, распоясались, вот и убили парикмахера... А Олег с моим внуком вместе учился, раньше часто бывал у нас. Парень-то он вроде честный. Мать его, Калерия Викторовна, – наш участковый врач. Справедливая женщина.

– Был я у них сегодня, – не вытерпел Дорохов.

– Ну и как она?

– Горюет.

– Ну еще бы.

– Нина Николаевна, а кто вам рассказывал насчет того, что Сергей следил за дружинником?

– Сказали, а вот кто, никак не припомню.

– Может быть, вспомните?

– Ну тогда, ясное дело, скажу.

Поблагодарив за чай, Дорохов поднялся в номер и улегся в прохладную постель. Лежал, ворочался, но сон все не приходил. Так и пролежал битых три часа с открытыми глазами. Едва рассвело, оделся и вышел из гостиницы, пересек пустынные улицы и через арку, где был убит Славин, вошел в сонный двор. Миновал беседку и прямо направился к кустам жасмина. Пробрался в самую гущу, где, как он и предполагал, оказалась маленькая, свободная от веток площадка. Наверное, здесь, играя, не раз прятались местные мальчишки.

Александр Дмитриевич выпрямился. Верхние ветки кустов оказались довольно редкими. Хотя и закрывали его с головой, но вместе с тем позволяли видеть весь двор: подъезд, где живет Ручкин, и злополучную арку. Он опустил на корточки и обнаружил, что и внизу голые, без листьев, прутья не закрывают обзор. Увидел чахлую, редкую, пробивавшуюся у корневища траву. Она была вытоптана, несколько молодых побегов жасмина сломаны и засохли. Повыше на кустах также отыскивались надломленные ветки. Жасмин давно отцвел, и на концах веток гроздьями висели семена. Сломать вот эти ветки мог только тот, кому они мешали.

Значит, в кустах кто-то прятался. Старательно рассматривая все вокруг, он нашел несколько окурков, размытых дождем и покрытых пылью, но тут же их отбросил: за неделю они не могли приобрести такой древний вид. Поднял с земли старую, со сломанными зубьями расческу, она, видно, тоже лежала здесь давно. Расширяя круг поиска, Дорохов заметил возле одного из кустов маленький бумажный шарик. Развернул и прочел: «“Снежок”, Москва, фабрика имени Бабаева». Чуть в стороне оказалась еще одна такая же скомканная обертка. Он подержал бумажные комочки на ладони, хотел развернуть и второй, но потом раздумал и снова забрался в центр кустов. Прикинув направление, в котором лежали скомканные конфетные обертки, повернулся лицом к арке. Размахнувшись как можно сильнее, бросил комочек и проследил за его полетом. Снова отправился его искать. К величайшему удивлению, рядом с брошенной на земле оказалась еще одна такая же, сжатая в тугий шарик бумажка. Заметив еще одну, бережно спрятал все в сигаретную коробку, потом побродил вокруг, но, ничего больше не найдя, напрямик отправился к арке. Он помнил все, что было найдено в карманах Славина и записано в протокол: ключ, зажигалка, пачка «Беломорканала», в которой осталось четыре папиросы, любительские права на управление автомобилем и тридцать два рубля денег. Но разве те, кто составлял протокол осмотра, не могли пренебречь единственной конфетой, а тем более скатанной в шарик оберткой?

Гостиница уже просыпалась. Возле Нины Николаевны стояли несколько человек, оформлявших документы, и Дорохов проскользнул незамеченным. У себя в номере выключил репродуктор, который должен был вот-вот заговорить, и, улегшись в постель, мгновенно заснул.

Утро для Дорохова началось с сюрприза. В городском отделе его поджидал капитан Киселев. Сегодня он был в обычном для лета сером костюме и лимонного цвета тенниске. Поздоровавшись, он вынул из папки несколько исписанных страниц и положил их на стол.

– Вы, Александр Дмитриевич, вот эти протокольчики почитайте.

Дорохов молча взял листки. Это были показания свидетелей. Первый из них, слесарь завода Борис Воронин, девятнадцати лет, судимый за мелкое хулиганство, рассказывал:

«3 августа этого года я вместе со своим приятелем Ершовым Левой пошел в кино. Смотрели иностранный фильм “Бей первым, Фредди”. После сеанса мы стали выходить на улицу. В толкучке какая-то девушка споткнулась о мою ногу и упала. Я стал ее поднимать, но к нам подошли дружинники, несколько раз ударили меня и Ершова, скрутили нам руки и повели. Особенно нахально вел себя дружинник в очках. Фамилию его я не знаю, но, если нужно, смогу узнать. При мне другие дружинники называли его Олегом. Этот дружинник сбил Ершова с ног, а меня схватил за руку и вывернул ее так, что болит до сих пор. Сначала нас привели в штаб, потом отправили в милицию, а утром народный суд мне и Ершову дал по 15 суток за мелкое хулиганство. Еще раньше Лева рассказывал, что среди дружинников есть несколько человек, которых нужно опасаться: Плетнева из заводского общежития – он гирями занимается, и одного очкарика». Слово было зачеркнуто и сверху написано: «в очках».

«Ну и ну!» – подумал Дорохов.

– Кто допрашивал? – спросил он у Киселева.

– Сам, товарищ полковник.

Дорохов читал дальше: «Дружинника, который носит очки, следует также опасаться. Он неоднократно бил наших ребят, есть и еще несколько таких в дружине, которые действуют кулаками...» Ниже шла служебная фраза: «Протокол записан правильно», и подпись Воронина. Следующий протокол зафиксировал показания Льва Ершова, семнадцати лет, работающего учеником токаря на заводе, судимого два раза за кражи. Эти показания были несколько подробнее:

«Дружинника в очках, Лаврова, я знаю почти полгода. Он меня просто ненавидит. Где бы я ни появился, он ко мне все время придирается. Прогонял из сквера, из Дворца культуры.

Сказал и другим дружинникам, чтобы и те меня задерживали и приводили в штаб. Лавров при всяком удобном случае бил ребят. 3 августа он пристал ко мне и к моему приятелю Воронину за то, что мы нечаянно толкнули девушку. Бориса Лавров ударил, а меня, когда я хотел заступиться, отбросил в сторону. Я отлетел на несколько метров, упал и сильно расшибся. Потом мы же оказались и виноватыми, и дали нам по пятнадцать суток...»

– Значит, все это произошло за три дня до убийства Славина?

– Точно!

– Как разыскали этих свидетелей?

– Они сами попросились ко мне на прием и дали показания. Сидят тут у нас. Отбывают наказание за мелкое хулиганство.

– Понятно.

Дорохов молча посмотрел на Киселева и, достав из дела протокол осмотра, стал читать, потом отложил в сторону.

– Скажите, Захар Яковлевич, все ли отражено в протоколе, что обнаружили в карманах Славина?

– Конечно все. Я сам был на месте.

– А где одежда Славина?

– Вернули матери. Да вы посмотрите, в деле должна быть расписка.

Дорохов полистал страницы, отыскал расписку, написанную кривыми, дрожащими строчками, и предложил:

– Давайте съездим к Славиной.

– Тут нечего ехать. Это совсем рядом. А зачем?

– Да вот хочу посмотреть... Поговорить...

В дверь постучали, и в комнату вошел Рогов.

– Очень кстати, – оживился Дорохов. – Прочти-ка, Женя, вот эти показания.

Рогов полистал протоколы, удивленно взглянул на Киселева, хотел что-то сказать, но капитан его опередил:

– Ты знаешь этих ребят?

– Конечно. И историю с кинотеатром знаю...

– Вот и отлично: выясни, с кем они дружат, где бывают, как ведут себя, – попросил Дорохов.

Славина жила в пятиэтажном доме, ничем не отличавшемся от остальных, если бы не окружал его фруктовый сад. Было как-то удивительно, что в центре города на ветках висели самые настоящие яблоки, сверкая румяными боками сквозь зелень листьев.

– Жильцам, кто получил квартиры на первых этажах, выделили под окнами крохотные участки земли, помогли достать саженцы. И вот результат. Сначала садоводством занимались только первоэтажники, а потом и остальные жильцы увлеклись и всю свободную землю вокруг домов заняли под сад. Я тоже увлекаюсь, – объяснил Киселев.

Дорохов слушал рассеянно, обдумывая нелегкий предстоящий разговор.

Мать Сергея оказалась высокой худой женщиной. Наброшенный на голову черный старинный кружевной платок почти сливался с землистым лицом, на котором выделялись лишь темные провалы глаз. Женщина остановилась в двери, невидяще скользнула по лицу Дорохова и, заметив Киселева, преобразилась, подобралась, сухие губы исказила сердитая гримаса.

– Что надо? Загубили сына, а теперь Лаврова выгородить хочешь? – Ее хриплый голос взметнулся, перешел на крик: – Не дам! До Москвы дойду, а правды добьюсь! – И, обращаясь уже к Дорохову, тихо и горестно запричитала: – Одна я осталась, совсем одна! Невестку вот в дом ждала... Убили Сереженьку-то!

Она закрыла лицо концом платка и, как-то вся изогнувшись, сделавшись меньше ростом, припала к косяку.

– Успокойся, Степановна, – мягко заговорил Киселев. – Мы к тебе по делу. Вот полковник из самой Москвы приехал, поговорить с тобой хочет.

Женщина безразлично взглянула на Дорохова:

– О чем говорить-то? Теперь ему никакие разговоры не помогут. Ну, раз пришли, проходите, – и, посторонившись, она пропустила их в коридор.

Квартира была стандартная, с двумя смежными комнатами. В глаза Дорохову бросились полосатые домотканые половики, закрывавшие пол в коридоре и устлавшие довольно большую, явно парадную комнату. Посредине стоял полированный стол, телевизор на тумбочке, чинно восседал на серванте гипсовый кот с облезшей краской, но черные намалеванные усы придавали ему бравый вид.

Хозяйка провела их в кухню. Здесь тоже были половики и чуть ли не половину кухоньки занимал большой сундук, видно служивший кроватью хозяйке.

Вытащив из-под стола табуретки, женщина жестом пригласила их присесть.

– Понимаю ваше горе, Матрена Степановна, тяжело вам, очень тяжело... – начал Дорохов, с участием глядя на женщину, присевшую на край сундука. Руки ее, несоразмерно большие, жилистые, настоящие рабочие руки, безвольно свисали вдоль туловища. – Понимаю, какое это несчастье... Как трудно было сына вырастить...

– А то легко! Спросите у Макарова, он знает. Соседями были. На его глазах рос.

Дорохов про себя отметил, что факт этот необычный: оказывается, убитый и начальник уголовного розыска знали друг друга.

– Одна ведь Сереженьку поднимала... Мой-то в сорок третьем на фронт ушел, Сережа еще грудным был. А я днем на заводе, вечером в госпитале – стирала. Присматривала за ним престарелая бабка. Подрос, из дому стал бегать. Побежишь, коли есть нечего. Только давно это было, ох давно... – Женщина смахнула слезы. – После армии самостоятельным стал. Работу хорошую, чистую нашел. И зарабатывал неплохо. Деньги все до копейки домой приносил, не пьянствовал. Давно бы уж женился, да хотел сначала автомашину купить. Говорил, жена будет – ей на тряпки подавай, дети пойдут – тоже деньги нужны... И права получил еще в прошлом году, да вот на тебе! – она опять вытерла ладонью глаза.

– А друзья-то у него были? – спросил Дорохов.

– Не водился он с кем попало, говорю – самостоятельный был, а где дружки, там и водка. Знакомые были, много. Говорил, клиенты. Прошлый год, когда ему двадцать восемь стукнуло, я предлагала ему именины справить, а он отвечает: «Чего деньги зря тратить. Будет тридцать, тогда и справим». – Женщина отвернулась. – Полтора года до тридцати не дожил.

Черная накидка соскользнула с ее головы. Дорохов подумал, что этому платку, наверное, не меньше лет, чем его хозяйке, а может быть, и больше, и лежал он, наверное, в сундуке вместе с черным платьем на случай, если, не дай бог, заявится в дом горе.

– Я ведь почему про друзей спрашиваю: может быть, Сергей дружил с Лавровым, и потом враждовать они стали... Или угрожал когда-нибудь этот самый дружинник вашему сыну. Ведь сами понимаете, что вот так, из-за ничего, нельзя же просто убить человека.

– Нельзя или можно, не знаю. Знаю, что нет у меня теперь сына. И кто убил, знаю. А угрожать моему сыну никто не угрожал. Мне не верите, поговорите с Жоржем-парикмахером, вместе они работали.

– А нельзя ли на Сергееву комнату взглянуть? – спросил Дорохов.

Женщина вновь насторожилась и с откровенной неприязнью посмотрела на Дорохова:

– Зачем? Не дам в его вещах копать! Пусть так и останется, как при нем было.

Дорохов успокоил хозяйку, пообещав посмотреть лишь с порога. Проходя мимо серванта, задержался, рассматривая вазочку с карамелью.

Заглянув в комнату, увидел небольшой шкаф для одежды, самодельную тахту из пружинного матраца, на стене – книжную полку; маленький стол, на котором стоял магнитофон «Романтик», а в углу – рижскую радиолу «Ригонда». На стене над тахтой были приколоты кнопками фотографии нескольких красавиц, переснятых с журнальных обложек. На двух снимках линии причесок были исправлены углем. «Модели», – решил про себя Дорохов.

– Думала, женится, спальню ему тут оборудую. Уж и деньги накопила, хотела от себя гарнитур подарить. Теперь вместо гарнитура памятник закажу...

Открывая им дверь на лестничную площадку, женщина неожиданно сказала:

– Приходил к Сергею несколько раз механик с нашего завода, Костя Богданов. Серьезный человек. Спросите у него, какой был у меня сын. Может, ему веры больше будет, чем мне.

Дорохов и Киселев молча шли по улице. Посещение матери оставило у них горький осадок.

– Интересно бы заглянуть к Сергею в стол. Может, там записи какие-нибудь есть? – проговорил полковник.

– Вряд ли. Кстати, у нас появлялась мысль произвести в его квартире осмотр.

– Ну и что же? – остановился Дорохов.

– Как что? Вы же сами видели, в каком состоянии мать.

Вернувшись в кабинет, Дорохов включил настольный вентилятор, опустил на окна шторы и пожалел, что не сделал этого перед уходом. Начало припекать, и кабинет, выходящий на солнечную сторону, нагрелся, словно печка.

Захотелось в лес. Без ружья, без собаки, так, побродить. Вот бы на Волгу, в ту деревню, в которой снимал домишко в прошлом году... Там постоянно дует ветер. Жена еще говорила, что тот дом в ложбине, как в аэродинамической трубе. Уж здесь бы она оценила ту «трубу»... Итак, в карманах у Славина не было конфет «Снежок», не было их и дома, по крайней мере на виду, в серванте. Но ведь могли же его угостить? А может быть, случайно купил их в ларьке? Все может быть. «Интересно, а не сохранились ли на этих обертках отпечатки пальцев?» – подумал Дорохов, рассматривая свою находку.

Вошел капитан Киселев и с любопытством уставился на небольшие бумажные шарики.

– Слушай, Захар Яковлевич, ты мог бы вызвать сюда эксперта-дактилоскопа?

– Пожалуйста! – Киселев набрал номер, попросил эксперта зайти и сел возле письменного стола.

– Скажи, пожалуйста, у вас много нераскрытых преступлений? – спросил полковник.

– Да не очень... В этом году повисли у нас две квартирные кражи в новых домах и хулиганство в сквере. Возле той самой беседки. Вернее, не хулиганство, а драка с телесными повреждениями. Оба потерпевших в больнице лежали. Спрашиваем: «Кто избил». А они твердят: «Сами разберемся». Вот и все нераскрытые. А с прошлого года осталась кража из промтоварного магазина. Воры шерстяных вещей вывезли тьму-тьмушую. Была у преступников машина, но какая, точно неизвестно. Скорее всего, микроавтобус УАЗ или рижский РАФ. Всех своих перебрали, да без толку, думаем, гастролеры какие-то. Правда, этим делом сам Макаров занимался.

– А у соседей как?

– У соседей по-разному. В Степном районе всегда тишь да гладь, вот только в начале лета магазин обворовали тоже на машине.

– Раскрыли?

– Пока нет. Другой ближайший район у нас Железнодорожный. Райцентр – узловая железнодорожная станция, так там что твой проходной двор. У них всего хватает. Недавно магазин «Ткани» обворовали. Милиционер воров заметил и пытался их задержать, но они машиной сбили его и скрылись. С переломом бедра лежит в больнице. Преступники перед самой кражей угнали там же в райцентре частный «москвич», а потом его бросили.

Дорохов слушал и делал у себя в блокноте пометки. Оба не заметили, как в кабинет вошла молодая голубоглазая женщина с пышной копной светлых волос:

– Вызывали, товарищ капитан?

– Как же, как же, просил. – И обратился к Дорохову: – Позвольте представить вам, товарищ полковник, нашу «криминалистическую науку»: Анна Сергеевна Смирнова – великий специалист по дактилоскопии.

– Ну так уж и «великий»! – улыбнулась Смирнова и протянула руку Дорохову.

Дорохов молча пододвинул к ней найденные возле жасмина шарики. Эксперт взяла чистый лист бумаги, откуда-то из кармана платья достала пинцет, небольшое увеличительное стекло и развернула конфетные обертки, расправляя каждую бумажку концами пинцета. Стала внимательно рассматривать.

– Что же вы хотите знать о них, товарищ полковник?

– Все, и главное – кто съел то, что было завернуто, – усмехнулся Дорохов.

– Это нашей науке неизвестно, – в тон ответила женщина. – Могу вам сказать лишь то, что конфеты одной партии.

– А нельзя ли, дорогая Анна Сергеевна, на них отыскать следы пальцев?

– То, что вы задумали, вряд ли получится. Нет, следы здесь, бесспорно, есть, я их проявлю, но использовать эти отпечатки для идентификации личности не удастся. Во-первых, слишком мизерная поверхность. Во-вторых, бумага была настолько скомкана, что особенности папиллярных узоров наверняка стерлись.

– Ну что ж, нельзя так нельзя, – вздохнул Дорохов. – А жаль. Думаю, тот, кто съел эти конфеты, нас с Киселевым очень заинтересует. А вы, Анна Сергеевна, любите конфеты?

– Как вам сказать, в меру, пожалуй.

– А за какое время, по-вашему, можно съесть четыре-пять «Снежков»?

– Ну это кто как ухитрится...

– Товарищ полковник, – не вытерпел Киселев, – да при чем тут эти самые «Снежки»?

– Этого я и сам пока не знаю... Кстати, поручи кому-нибудь разузнать, есть ли «Снежки» сейчас в продаже, а если нет, то когда продавались... И хорошо бы немного купить, ну хотя бы граммов сто.

– Будет исполнено, товарищ полковник! – Киселев в недоумении пожал плечами.

Едва капитан ушел, в дверь кабинета постучались, осторожно, неуверенно.

– Входите, входите! – дважды повторил Дорохов. В комнату робко вошла девушка в простом темном платье, с большим потрепанным портфелем в руках. Дорохов сразу признал Зину Мальцеву и подумал: «Лицо совсем детское, а застывшая в глазах боль сделала ее взрослой».

И его словно кольнуло: «Вроде Ксюши моей, чуть постарше. Да нет, та побойчее будет». И подумал суеверно: «Не дай бог и ей попасть вот в такую же историю».

– Заходите, Зиночка. – Он вышел ей навстречу, подвинул стул и сам присел рядом. – Да не смущайтесь. – Ему захотелось провести рукой по ее волосам и прибавить: «Доченька», но он сдержался. – Располагайтесь поудобнее.

Дорохов взял портфель из рук девушки, удивился его тяжести и бережно поставил на пол.

– Ну, рассказывайте, – решительно сказал он.

– Я не знаю, что... – почти прошептала девушка.

– Как это – не знаю? – Дорохов повысил голос, увидев, что губы девушки задрожали. Он знал, что самый худший способ успокоения в таких случаях – это жалость и сочувствие. – Замуж собираешься, а не знаешь, какой у тебя жених. Ведь любишь?

– Люблю, – почти с вызовом обронила девушка.

– Ну и прекрасно, люби на здоровье, если он, конечно, того заслуживает...

– Да как вы можете так говорить, если... раз вы его не знаете. Это такой парень! Я из-за него и в институт не пошла.

– Времени на подготовку не осталось?

– Вы не так меня поняли... Олег говорил, что нельзя выбирать профессию по принципу, где конкурс меньше или институт поближе к дому... Что профессия должна быть, как любовь, – одна и давать такое же счастье. Он говорил, что сначала надо пощупать своими руками ее, эту будущую профессию, а потом решать. – Зина покраснела, ее серые глаза стали почти черными. – Вы думаете, Олег не мог сразу поступить в институт? Да он лучшим в школе был, а пошел на завод. Говорил: позор руководить рабочими, не умея молотка держать в руках. А он умел, кстати, куда лучше, чем другие...

– А почему это вы, Зина, все в прошедшем времени о нем говорите? Говорил... Умел...

Девушка приободрилась и впервые посмотрела на Дорохова с доверием. Но, начав разговор о женихе, просто не могла остановиться.

– Он все удивлялся, почему многие боятся, а то и стесняются «неинтеллектуальной» работы. Стыдил нас, уверял, что в нас сидит мещанская спесь.

Зина поймала лукавый взгляд Дорохова.

– Вы, наверное, не верите мне. Но он такой, и ничего я не придумала. Хотите верьте, хотите нет. – Голос ее упал. – Я вот изо всех сил стараюсь вспомнить отрицательное в его характере и поступках, и ничего не могу припомнить.

Телефонный звонок прервал разговор. Дорохов снял трубку.

– Товарищ полковник! Это я, Рогов. Разрешите зайти?

Александр Дмитриевич закрыл трубку ладонью, подмигнул девушке:

– Как, нам Рогов не мешает, нет? Ну и отлично, – и попросил: – Заходите, Женя, пожалуйста.

Рогов появился тотчас, видно, звонил из соседнего кабинета, положил на стол тонкую папку.

– Тут мне Зина рассказывает об Олеге. Где у вас показания тех ребят? В папке? – Дорохов вынул оба протокола, подал их Мальцевой.

Девушка прочитала показания Ершова и Воронина и даже задохнулась от гнева:

– Мерзавцы, негодяи! Извините, Александр Дмитриевич, никогда не ругаюсь, а тут такое...

– А вы этих ребят знаете?

– Не только знаю, но дежурила вместе с дружинниками возле кинотеатра, когда все это произошло. Они приставали к девушкам, ругались, у выхода из кинотеатра давку устроили. Встали – руки в стороны и начали девушек ловить. Крик, визг, задние напирают, передние падают. Мы никак не могли сквозь толпу пройти. Петя Зотов кое-как пролез, схватил хулиганов за шиворот, а они вырываются. Ершов ударил Петю по лицу, вырвался – и бежать. Олег поймал его, но поскользнулся, и оба упали. Тут подросла я, мы своего подшефного под руки – и в штаб, а Воронина Зотов и двое посторонних привели. Олег потом уже, позже, пришел. Ходил на колонку мыться: у кинотеатра лужа после дождя была, и он, падая, угодил в нее.

– Почему «подшефного»?

– Ершова в конце зимы из детской колонии освободили досрочно, он там за кражи из ларьков сидел. Горком комсомола поручил нашей дружине над ним шефство взять. Вы вчера видели в штабе большого такого парня – Семена Плетнева? Вот его и определили шефом к Ершову и к нему в бригаду устроили. Плетнев от своего воспитанника первое время чуть не плакал. Ну а потом отношения у них наладились, и парень вроде к лучшему изменился, а на экзаменах в техникум он встретился с Борисом Ворониным. После сдачи на радостях выпили и пошли развлекаться в кинотеатр. Когда мы стали акт составлять, то и решили все смягчить. Про то, что они сопротивлялись, не написали, и что Зотова ударили, тоже.

– Это почему же?

– Плетнев просил, и мы с ним согласились. Если бы написали, как все на самом деле было, не видать бы нашему подшефному техникума. Ему за такое хулиганство не пятнадцать суток, а год дали бы.

– Пощадили, значит, филантропы...

Когда Зина уже собиралась уходить, Дорохов поймал ее нерешительный взгляд, обращенный на портфель.

– Знаю, знаю: передача? – Зина кивнула.

– Можно?

– Что там?

– Книги и так кое-что, я испекла.

– Оставляй, пожалуй, на мой страх и риск.

Девушка ушла, и Александр Дмитриевич спросил Рогова, что он думает о показаниях Воронина и Ершова. Тот пожал плечами:

– Наверное, этим парням все-таки попало.

– Как попало? – не понял Дорохов.

– Как вел себя Лавров, не знаю, но то, что Плетнев всыпал Ершову, это мне известно, – невозмутимо продолжал внештатный инспектор.

Дорохов рассердился. Невозмутимость Рогова вывела его из себя. Чтобы сдержаться, он встал и зашагал по кабинету.

– Вы, товарищ полковник, – предложил Рогов, – сами с Плетневым поговорите, тогда вам все будет ясно.

– Поговорю, обязательно поговорю. Со всеми. Насчет «Снежка» удалось что-нибудь узнать?

– Сейчас в продаже нет этих конфет.

Рогов достал блокнот, полистал его и прочел: «Наш торг получил сто килограммов “Снежка” два месяца назад. Передали конфеты в магазин, и там их за два-три дня распродали».

Дорохов взглянул на часы, шел третий час дня.

– Когда удобнее навестить Макарова?

– Удобнее всего сейчас, – не задумываясь, ответил Рогов.

– Тогда идемте.

Начальника уголовного розыска Макарова они нашли в саду городской больницы.

– Очень рад вашему приезду, Александр Дмитриевич. – После взаимных приветствий майор первым начал разговор. – Боюсь, что Киселев с этим делом запутался. А сам, вот видите... – он беспомощно развел руками. – Перед ноябрьскими хотел грипп перехитрить, так с тех пор никак не выкручусь. Немного поработаю, и опять то сердце, то давление. Сейчас врачи обещают недельки через две выписать. Насчет дела Лаврова. Обоих я их знаю. Олега похуже, а Сережку Славина с детства. Раньше ведь мы в одном бараке жили. С его отцом вместе в сорок третьем ушли на фронт. В сорок четвертом вернулся домой с белым билетом. Сережка уже ходить начал, а отец погиб. Как подросток этот пацан, мать беды с ним натерпелась вдосталь. Сбежит Сергей из дому, соседка в слезы – и ко мне. Я уже в уголовном розыске был. И мы его ищем. Воровать стал, дважды в колонии побывал. Уговорил я нашего военкома и за полгода до срока отправил Сергея в армию. Домой вернулся совсем другим человеком, стал в парикмахерской работать. Старые дела бросил. Правда, иногда выпивал да в картишки поигрывал по мелочи. Года два назад был у нас с ним откровенный разговор. «Вы, дядя Жора, не беспокойтесь, – сказал он мне тогда, – я больше в тюрьму не сяду, а то все по молодости было». Степановна, мать Сережки, сыном не нахвалится: с каждой зарплаты подарки. И деньги все отдавал. Что тут произошло, никак в толк не возьму.

Макаров помолчал, потянулся к сигаретам, что возле себя на скамейку положил Дорохов, потом отдернул руку и снова заговорил:

– У нас в уголовном розыске народу раз-два и обчелся. Я, Киселев и два инспектора: один в отпуске, а другой уехал сдавать экзамены в юридический. Киселев у нас на розыскных делах сидит, а два других текущими делами занимаются. Мы с Женей Роговым взяли себе работу с молодежью, приходится на внештатных опираться. Важнее профилактики дела у нас нет. Ворами да грабителями становятся-то не сразу. Начинается с ерунды, с мелочи, а повзрослели – глядишь, за крупное взялись.

Макаров говорил с жаром, разнервничался, и Дорохов пришел ему на помощь:

– Я полностью с вами согласен, Георгий Петрович.

– А есть такие, что думают иначе: нечего с ними цацкаться, в тюрьму, мол, нужно их, тогда живо исправятся. Эка невидаль: за шиворот да в тюрьму... А ты попробуй не допусти до плохого мальчишку, останови вовремя! Вот мы с Роговым с ними и занимаемся, – усмехнулся майор и уже более спокойно продолжал: – Может, не всегда удачно. Что касается дружинников, то это основные наши помощники. Лаврова я помню, стоящий, справедливый. Я ему несколько раз серьезные задания давал.

– Может, за эти задания с ним и хотели свести счеты? – спросил Дорохов.

– Все может быть, но при чем здесь Славин? Он у меня ни разу ни по одному делу даже косвенно не проходил. Если Сергей действительно решил расправиться с Лавровым, то для этого должны быть веские основания... Ручкина не нашли? – обратился майор к Рогову.

– Нет, Георгий Петрович. У него через четыре дня кончается отпуск. Приедет – поговорим.

– Этот Ручкин, по-моему, должен пролить свет. Парень разбитной, общительный. Вам про беседку в сквере рассказывали? Так он там в первой пятерке. Была у нас тут воровская группка, так его однажды приглашали на дело, но Ручкин повел себя достойно, не только отказался, но и ребят отговаривал. С Лавровым они приятели, хотя как эта дружба сложилась, я себе и не представляю. Кстати, Женя сказал, что на месте происшествия была какая-то супружеская пара, забыл их фамилии. Вы с ними не разговаривали, Александр Дмитриевич?

– Нет.

– Может, они какие-нибудь детали припомнят?

– Поговорю обязательно.

– И еще, Александр Дмитриевич, просьба у меня к вам: кража из магазина висит с прошлого года, может, выберете время, посмотрите, как говорится, свежим глазом...

– А я уже сегодня просил Киселева дать это дело. Обязательно познакомлюсь.

– Кстати, как вам показался наш старший инспектор?

– Не знаю, что и сказать...

– Не показался, значит. Розыскник он отличный и, в общем-то, человек неплохой.

Майор взглянул на часы и встал:

– Вы извините меня, товарищ полковник: здесь процедурная сестра строже армейского старшины. Опоздаю – всем врачам нажалуется.

Они проводили Макарова к большому четырехэтажному больничному корпусу и, попрощавшись, ушли.

Вечером, около семи часов, к Дорохову пришли дружинники. Рогов протянул полковнику список:

– Здесь весь наш актив. Народ добросовестный, выполняют любое задание.

Дорохов оглядел собравшихся. Все сидели чинно, настороженно, видно понимая, что им предстоит важное дело.

– Вот что, друзья, придется обойти квартиры во всех трех домах, которые объединяют двор с той самой аркой, и поговорить буквально с каждым жильцом. Тех, кого не застанете сегодня, придется навестить завтра. Имейте в виду, нельзя пропустить ни одной квартиры, ни одного человека. Нужно отыскать всех, кто в тот вечер вернулся домой после одиннадцати, и побеседовать. Может, кто-нибудь видел во дворе Славина, а может быть, и еще кого-нибудь. Постарайтесь выяснить, не было ли у кого-то в тот вечер гостей, когда они разошлись и где живут. О ноже спрашивайте осторожно, лучше в конце разговора. Надеюсь на вашу вежливость и корректность.

– Можно вопрос? – поднялся во весь свой огромный рост Семен Плетнев. – А как быть с теми, которые нам что-нибудь расскажут про нож или драку? Приглашать к вам сюда?

– Не надо никого никуда приглашать. Поговорите, если сомневаетесь, что не запомните, то лучше запишите, а потом все доложите.

Ребята ушли искать свидетелей и злополучный нож. «Найдут ли?» – думал Дорохов. Он пододвинул к себе два объемистых тома, на обложке первого было крупно выведено: «Кража из промтоварного магазина». Листая документы, наткнулся на список: «Посещающие беседку в сквере». Возле каждой фамилии был указан возраст, место жительства и кое-какие сведения. Об одних говорилось, что они играют в карты, другие постоянно пьянствуют, третьи хулиганят и дерутся. Дорохов стал внимательно изучать фамилии. Пятым в списке оказался Степан Ручкин, двадцати шести лет, техник механического цеха, злоупотребляющий спиртными напитками и любитель картежных игр. Четырнадцатым по счету в списке был Сергей Славин, о котором говорилось, что он угощает подростков водкой, играет на деньги в карты и пользуется авторитетом. Одним из последних оказался Ершов.

Полковник набрал номер телефона дежурного по городскому отделу.

– Говорит Дорохов. Где капитан Киселев? Ушел с дружинниками? А Рогов тоже?.. Тогда будьте добры, доставьте ко мне осужденного за мелкое хулиганство Ершова.

Ершов независимо осмотрел кабинет, стрельнул глазами в Дорохова и небрежно уселся на стуле, всем своим видом показывая: «Спрашивайте – я готов отвечать». Александр Дмитриевич в свою очередь, не скрывая любопытства, смотрел на парня. «Парень как парень, – размышлял полковник, – неплохо одет, глаза живые, с хитринкой, видно, привык быстро схватывать обстановку. Но откуда такая самоуверенность? Ага! Вошел в роль “трудного”, привык, что все с ним нянчатся, все опекают, даже целая дружина. А вот интересно, какие у них отношения с бригадиром – Плетневым? Боюсь, прав Рогов: однажды этот самый тяжеловес не вытерпел и намял бока своему подшефному. Вполне возможно. А что, если я вначале ему немножко подыграю?» Дорохов достал протокол допроса, повертел его в руках и протянул Ершову:

– Это ваши показания?

Парень взглянул на свою подпись и, облокотившись на стол, небрежно ответил:

– Мои. Я давно собирался написать куда следует о безобразиях дружинников. Обнаглели они, гражданин полковник.

«Ага, все-таки “гражданин”, – мысленно отметил Дорохов, – и чин мой знает. Кто же тебя просветил? Киселев или старшина, что ко мне доставил? Значит, знаешь, что привели на допрос к полковнику, который в три раза старше тебя, и все-таки решил нахальничать? Ладно. Я с тобой буду предельно вежлив».

– Скажите, пожалуйста, Ершов, а кто из дружинников особенно безобразничает? О Лаврове вы рассказали, а как другие?

Ершов, прежде чем отвечать, поудобнее уселся, достал из кармана сигареты, спросил разрешения закурить, затянулся.

– Все они одинаковые. Я писал про Лаврова. Надо бы еще вам разобраться с другими, они тоже не лучше. Как чуть что не по ним, сейчас с кулаками. Они всем нашим ребятам проходу не дают. Вот спросите у Воронина, он вам то же скажет.

Ершов продолжал говорить, а Дорохов думал, что просто необходимо преподать урок этому паршивцу, чтобы раз и навсегда понял, что наглость не может быть безнаказанной.

Он озабоченно взглянул на часы, было около восьми часов вечера, и извиняющимся тоном обратился к Ершову:

– К сожалению, нашу интересную беседу я должен на некоторое время прервать, но если вы не возражаете, то мы ее вскоре продолжим. Я прикажу, и вас отведут к дежурному.

– Уж лучше в камеру, гражданин полковник, там как раз сейчас ужин.

– Хорошо, – согласился Дорохов.

Через полчаса Ершов, довольный, улыбающийся, на правах старого знакомого, снова вошел в кабинет. Едва он осмотрелся, как лицо его от удивления вытянулось. Видимо, рассчитывал застать одного чудаковатого полковника, которому, как он успел сообщить своему другу Воронину, «залил мозги», а в кабинете оказались и Рогов, и Зотов, и его опекун Плетнев. Между ними стоял свободный стул, и полковник предложил его Ершову. Тот сел осторожно, на краешек, опасливо поглядывая на своих соседей.

– Ну что ж, Ершов, расскажите о безобразиях дружинников, – предложил Дорохов. – Начните хотя бы с Семена Плетнева. Вы ведь в его бригаде работаете?

Ершова словно подменили. Не было уверенного в себе человека, небрежно ведущего беседу. На стуле молча сидел явно нашкодивший, провинившийся парнишка.

– Так вот, товарищи, Ершов как будто стесняется, придется мне самому передать вам, что он только что говорил. О безобразиях Лаврова он уже дал показания, потом я их вам прочту. Но Ершов сожалеет, что не написал жалобу и на других дружинников, занимающихся рукоприкладством. Кстати, он недоволен вами, Плетнев. Вы что, били Ершова?

Большой, красный как рак Плетнев поднялся со своего стула:

– Бил, товарищ полковник, два раза. Только, товарищ полковник, я его еще раз выпорю. Пусть отсидит свои пятнадцать суток и вернется к нам в общежитие. Его отдали в мою бригаду, а меня назначили шефом. Я с ним носился, уговаривал, время на него тратил... А он, лодырь, не хочет работать, и все тут. Только отвернусь, а он уже где-нибудь в закутке спит. Сколько раз всей бригадой обсуждали, уговаривали – не помогает. «Будешь работать?» – спрашиваю, а он мне: я, дескать, вор-законник, и нам работать не полагается. Ну я и согрешил: снял с него порточки и ремнем. Этот способ что ни на есть подходящий, сам знаю. Батя у меня строгий был. Ну, думаю, раз я шеф, так это что-то вроде нареченного отца, а раз отец, значит, имею право. – Семен повернулся к Ершову: – Что, Левка, рассказать, за что я тебя второй раз выпорол?

– Не надо, Сеня.

Парень совсем сник, в нем не осталось ни тени бесшабашности и наглости.

Дорохов решил начатый разговор довести до конца. Он попросил Рогова рассказать, как составлялся акт о хулиганстве Воронина и Ершова.

– Что тут рассказывать-то? Ты же, Левка, и сам знаешь. Вспомни, сколько мы с Семеном вечеров с тобой над математикой просидели. А Лена Павлова? Она тебе про грамматику и синтаксис, а ты ей пакостные анекдоты... А почему мы с тобой возились? Для отчета в горком комсомола? Нет, брат. Решили не пускать тебя больше в тюрьму. Ты вот экзамены сдавал, а мы с Семеном под дверями в техникуме торчали. Болели за тебя. Ну, и с хулиганством этим, если бы мы в акт записали, как все было на самом деле, ты бы год как пить дать получил. Значит, прощай техникум и все наше перевоспитание.

Семен Плетнев сидел молча, сосредоточенно, потом вдруг стал рассматривать Левкины брюки, отряхнул с них какую-то пылинку, покачал головой:

– Ну что ты за человек – без стыда, без совести? Эх, Левка, Левка. Дружинников хаешь, а ведь наши ребята в получку скинулись и костюмчик с рубашкой тебе купили. Твоих-то денег и на галстук бы не хватило. Лаврова ругаешь, а тот акт ведь Олег составлял... А ты узнал, что человек попал в беду, и на него наврал.

Левка совсем согнулся, еще ниже опустил голову и молчал. Сейчас перед Дороховым сидел несчастный, запутавшийся мальчишка. Ушли дружинники, полковник с Ершовым остались вдвоем. Александр Дмитриевич налил в стакан воды.

Парнишка облизнул пересохшие губы, жадно сделал несколько глотков, по-детски кулаком протер глаза.

– Садись, Ершов, поближе, поговорим. Как же ты в людях не научился разбираться? Неужели не понимаешь, кто у тебя друзья? Думаешь, те, что водкой поят в беседке? Ты вот в прошлый раз за кражи из ларьков сел в тюрьму один?

– Один, – протянул настороженно Ершов.

– Герой! Никого не выдал. Все дела на себя взял. А дружки, которых ты выгородил, передачи тебе в колонии возили? А когда освободился, пальтишко, костюмчик преподнесли? В техникум устроили?

– Ничего никто мне не преподносил. Избили за то, что с легавыми... ну, с дружинниками, связался. Хотели еще раз бить, да Сергей не разрешил.

– Какой Сергей?

– Славин... парикмахер.

– И его послушались?

– Еще как!

Ершов разговорился. Но тут с задания стали возвращаться дружинники, и полковник прервал беседу.

Зина Мальцева и Петр Зотов закончили обход квартир в одном подъезде, остановились у квартиры, где жил Ручкин. Позвонили, но ответа не дождались. Зина предложила:

– Зайдем к соседям. Может быть, они знают, куда уехал Ручкин.

– Зайдем, – согласился Зотов.

Соседнюю дверь открыла пожилая рыхлая женщина в просторном халате, с полотенцем в руках. Она смотрела на них настороженно. Из глубины коридора появился ее муж, худой, болезненного вида мужчина, с седой щетиной на давно выбритых щеках. Держался он несколько поодаль. Женщина, вытирая полотенцем потное лицо, быстро затараторила, не давая никому вставить слово:

– И что вы все ходите, все выспрашиваете, высматриваете? Мы с Георгием ничего не знаем. Что видели, то сказали. У него, – она кивнула в сторону мужа, – после убийства давление поднялось, а я, как засну, каждую ночь покойников вижу. Что же вы, не знаете, что старым людям волноваться нельзя? Мы ж пенсионеры, нам доктор велел каждый вечер в садочке сидеть, по скверу прогуливаться. А тут на глазах убивать стали. Вы, дружинники, порядок должны наводить, а от вас одни неприятности. Тот высокий парень... ну, в очках который, подошел к нам и сказал, что его знакомому плохо, что он просит нас побыть возле него, пока он вызовет «скорую помощь». Мы согласились, и что из этого получилось? Беда. Подошли, смотрим – лежит парикмахер Сергей. Раньше, когда Георгий еще работал, он к нему бриться через день ходил... А я глянула, пощупала руку, пульса нет, и говорю: «Ну, Георгий, пошли мы с тобой гулять, и мало того, что вымокли под дождем, так еще и попали в свидетели». Тут стали подходить люди. Пришел симпатичный, такой видный из себя, хорошо одетый мужчина. Он тоже пощупал пульс у парикмахера и сказал, что ему теперь уж ничем не поможешь...

Хозяин выглянул из-за плеча своей мощной супруги, видимо, хотел что-то объяснить, но женщина оттеснила его, заявив, что больше они ничего не знают и сожалеют, что остались ждать «скорую», а не ушли, так же как тот симпатичный мужчина. Зотов перебил женщину:

– А разве вас в милиции допрашивали не вместе с тем симпатичным и хорошо одетым человеком?

– Нет. Нас допрашивали вместе с Георгием, а тот человек повернулся и ушел. Он сказал, что торопится.

Зина тоже что-то хотела спросить, но ее жестом остановил Зотов.

– Мы, в общем-то, к вам по другому вопросу. Вы не знаете, куда уехал ваш сосед Ручкин?

– Конечно знаю! В деревню к своей тете. Я говорю ему: «Слушайте, Степан, зачем вам везти Олечку, оставьте ее нам. У нас с Георгием детей нет, и мы за ней присмотрим». Он сказал, что девочке лучше будет у тетки... Где живет тетка? В деревне... В какой? Вот в какой, мы не знаем. Спросите Степана сами... Когда он приедет? Наверное, скоро.

Когда молодые люди вышли из квартиры, Зина спросила:

– Как ты думаешь, Петя, стоит нам рассказывать полковнику про этого «видного из себя и хорошо одетого человека»?

– Стоит, Зиночка, стоит, только давай сначала попытаемся узнать, как его фамилия или как зовут. Мы еще вон сколько квартир должны обойти. – Он протянул Мальцевой список.

– Хорошо, – согласилась Зина.

В этот вечер дружинникам ничего существенного найти не удалось. Ребята расстроились, и Дорохов их успокоил:

– Ладно, друзья, не огорчайтесь. Вы ведь и третьей части квартир не обошли. Возможно, и найдутся благоприятные новости. Завтра, я думаю, собираться здесь не стоит. Отправляйтесь прямо по квартирам, а вот вечером приходите в городской отдел, отчитаетесь. А может быть, – полковник сделал паузу, – и я вам что-нибудь сообщу. А сейчас всего доброго.

Зина задержалась в кабинете, видно, хотела что-то сказать, но ее потянул за руку Зотов:

– Пойдем, пойдем, ведь договорились!

По привычке проснувшись чуть свет, Александр Дмитриевич отправился в душ. Вернувшись в номер, хотел бриться, но потом решил: в парикмахерской. Наскоро проглотил несколько бутербродов, стакан кофе в гостиничном буфете и вышел на улицу.

На огромной стеклянной коробке неоновые трубки причудливо выписали французское слово «Салон». Ночью они светились, а сейчас, темнея, торчали над фасадом. Александр Дмитриевич смотрел сквозь стеклянную стену и встретился взглядом с брюнеткой, которой мастер заканчивал прическу. Женщина не отвела глаз, наоборот, с любопытством рассматривала Дорохова. Полковник улыбнулся ей и вошел в салон.

Он еще вчера узнал, что тот самый Жорж Бронштейн, о котором говорила мать Славина, работает в утреннюю смену, на втором этаже, в мужском зале. Большинство мастеров, скучая, ждали клиентов. В углу направо средних лет мужчина с черными как смоль усиками и буйной копной волос склонился над своими инструментами. «Он», – решил Александр Дмитриевич и направился к креслу парикмахера с усиками.

– Можно к вам?

– Пожалуйста, – ответил мастер, разглядывая незнакомого посетителя. – Вы у нас впервые?

– Да, вот хочу побриться.

– Прощу!

Руки Жоржа действовали уверенно, быстро, бритва была отлично направлена, и Дорохов даже закрыл глаза от удовольствия. Когда исчезли с лица остатки мыльной пены, Александр Дмитриевич согласился на компресс и начал разговор:

– Собственно, я к вам еще и по делу. Хотелось расспросить о Славине. Мне поручили вести расследование.

Руки Жоржа чуть сильнее прижали к его лицу горячую компрессную салфетку. «Хорошо, что салфетка, а не бритва», – подумал Дорохов.

– «Шипр»? – словно оттягивая предстоящий разговор, спросил Жорж.

– Терпеть не могу «Шипра»! – Александр Дмитриевич взглянул на выстроившиеся флаконы и попросил: – «Свежесть», пожалуйста.

– Странно. Все ваши коллеги любят «Шипр», – удивился Жорж, меняя пульверизатор. – А Славина я знаю давно. Мы вместе с ним в доме приезжих работали, а здесь... – Жорж на секунду замолчал и указал в сторону кресла у стеклянной стены, где, устроившись с комфортом, читала книгу молодая мастерица, – вот его место. Хороший был мастер, ничего не скажешь.

Он вместе с Дороховым подошел к кассе, подождал, пока полковник расплатится, и попросил:

– Может, нам лучше поговорить там, внизу, у директора? Я только уберу инструменты.

– Хорошо, – кивнул Дорохов.

В кабинете директора за маленьким столиком сидела та самая брюнетка, которую он только что видел через стекло. Дорохов протянул ей свое служебное удостоверение, женщина прочла и рассмеялась:

– Вот уж не думала, что вы из милиции! Когда вы меня рассматривали там, – она кивнула в сторону дамского зала, – подумала, что хотите со мной знакомиться.

– Верно. Решил познакомиться. Еще вчера. А увидев сегодня, старался отгадать вашу профессию... Но, откровенно говоря, мне и в голову не могло прийти, что вы заведуете этим стеклянным ящиком...

Женщина развела руками и предложила стул.

– А как вас величать прикажете?

– Наталья Алексеевна. Что же вас интересует в нашем заведении?

– Модные прически и красивые женщины... Не найдется ли у вас комнатухи, где можно побеседовать с вашим сотрудником Бронштейном?

– Разговаривайте здесь, а я пойду по своим делам. Понадоблюсь, Жорж меня найдет.

– Понадобитесь, Наталья Алексеевна, обязательно понадобится!

Жорж, Григорий Абрамович Бронштейн, наморщив лоб, старался подобрать нужные слова, о покойнике худо говорить ему не хотелось.

– Трудно мне, товарищ полковник, в двух словах рассказать, какой был Сергей. Одно время я с ним дружил, вместе гуляли, иногда выпивали, иногда в одной компании бывали, а потом у нас дружба разладилась. Не ссорились, не ругались, а встречаться стали только здесь, в парикмахерской.

– Это почему же?

– Не знаю.

– Может, простите, женщина тому причиной?

– Да нет. Зачем же. У нас разные вкусы. – Жорж замялся. – В общем, чепуха какая-то. – Он пожал плечами, наконец полураздраженно бросил: – Сегодня я заплатил, завтра я, послезавтра я... В общем-то, я нежадный, поймите меня правильно. Но почему же так, где справедливость? Если он отлучится, я его клиента не возьму, попрошу вежливо, чтобы подождал минут пять – десять... А ведь если меня минуту нет, скажет: совсем ушел... Короче, уж больно деньги любил, – решительно заключил Бронштейн. – Больше, чем своих друзей. А я ему даже помогал. Попросит: подмени на час-другой, я – пожалуйста. И всю работу в его карточку записывал.

– Добрый вы человек, Григорий Абрамович. И часто вам так приходилось?

– Да бывало... Девчонку он какую-то завел, никому, правда, не показывал. Парень от нее бегал к нему с записочками. Телефона-то в нашем заведении все нет.

– Особа-то, видно, великосветская, если еще и рассыльного имела... Брат, наверное?

– Да нет, – рассмеялся Жорж. – Борька Воронин с завода, у него и сестры-то нет.

Александр Дмитриевич, услышав фамилию приятеля Левы Ершова, по инициативе которого была написана жалоба на дружинников и Лаврова, насторожился и подумал: «Хорошо, что не успел поговорить с этим Ворониным. Теперь-то разговор будет более предметным». Не показав вида, что заинтересовался Ворониным, спросил:

– А новых друзей Сергея вы знаете?

– По-моему, друзьями он так и не обзавелся. Встречал я его в разных компаниях, сегодня с одними, завтра с другими.

– Выпивал часто?

– Когда угощали. В прошлом году задумал машину купить, так копейки зря не тратил. Пойдет в кафе обедать, берет самое что ни на есть дешевое.

– Бывали ли случаи, когда Славин ссорился, угрожал кому-нибудь или дрался?

– Нет, товарищ полковник. Я не слышал, чтобы Сергей кого-нибудь оскорбил или ударил.

Но вот почему-то парни его побаивались. У нас в сквере беседка есть. Я часто туда хожу песни послушать. Приду, сяду где-нибудь в сторонке на скамейку и слушаю. А Сергей всегда прямо в беседку. Ему там и место кто-нибудь уступит, и водки нальют. Как-то, года два назад, пристали ко мне возле самой беседки несколько парней: «Похмели да похмели». Я уже хотел было от них откупиться, да вдруг приходит еще один, постарше: «А ну, мотайте отсюда, – говорит, – чего к Серегиному другу пристаёте?» И тех будто ветром сдуло. На следующий день я Сергею рассказал, а он только смеется...

Дорохов попросил отыскать Наталью Алексеевну и показать ему шкаф, где хранились личные вещи и инструменты Славина.

В подвале в большой комнате, отделанной кафелем, по стенам длинной вереницей стояли узкие высокие шкафы. «Как в отеле “Мажестик”», – вспомнил Дорохов один из романов Жоржа Сименона. Все шкафы закрывались на внутренние замки, и Наталья Алексеевна принесла с собой целую связку ключей.

– Это дубликаты, – объяснила она, – я храню их у себя на всякий случай, а так у каждого есть свой ключ. Вот этот шкаф – номер четырнадцать – был закреплен за Славиним.

Она отыскала ключ и открыла дверцу.

На вешалке сиротливо висел белый халат, под ним стояли летние туфли, а рядом – небольшой черный спортивный чемоданчик.

Дорохов сначала осмотрел карманы халата. В нижнем оказалась начатая пачка «Беломора» и металлическая газовая зажигалка, в другом – носовой платок, в верхнем торчала трехцветная шариковая ручка, а в глубине оказалась маленькая, сложенная вчетверо бумажка. Александр Дмитриевич бережно ее развернул. На листке, вырванном из небольшого блокнота, четкими, почти печатными буквами было выведено несколько слов: «Сегодня, а не завтра, как договорились, жду в буфете возле ЖДС». Ни подписи, ни даты не было. Не было и имени, кому она адресована. Записка могла пролежать в кармане Славина и неделю, и месяц. Дорохов протянул ее Бронштейну, тот прочел и иронически усмехнулся:

– Лихая, видно, женщина! Сама назначает свидание, сама идет в буфет и, наверное, сама будет платить, потому что вряд ли Сергей стал бы тратиться даже на самую красивую. По-моему, эту записку принес Борька, когда Славин ушел обедать. Я ему советовал подождать, а он говорит: некогда, и убежал... У меня как раз были два клиента, и я их обслуживал. Когда вернулся Сергей, я сказал, что был Борька и оставил ему под мыльницей послание.

– Когда это было?

– Не помню точно, наверное, дня за три-четыре до убийства. В тот день я пришел с обеда, а Сергей ко мне: «Жорж, будь другом, выручи, поработай за меня, я часа на полтора раньше смотаюсь, потом за тебя отработаю». Я согласился и несколько человек обслужил на его имя. У нас с планом строго. – Бронштейн взглянул на Наталью Алексеевну: – Крутая женщина наш директор.

В чемоданчике оказались бритвы, машинка для стрижки и несколько флаконов одеколona. Директриса отметила, что одеколona этих марок она со склада не получала.

Прощаясь, Дорохов пообещал:

– Теперь, Наталья Алексеевна, я каждое утро у вас бриться буду. Жаль только, что не вы меня будете обслуживать.

– А что, я вас плохо побрил? – в шутку возмутился Жорж.

– Могу и я, – улыbnулась женщина. – Я ведь тоже мастер, причем мужской и первого разряда.

– Тогда, Жорж, извини, в следующий раз я к Наталье Алексеевне. – И Дорохов направился к двери.

На улице, отойдя на приличное расстояние от салона, Дорохов остановился и еще раз прочел записку. «Буфет у ЖДС» – что это такое? Железнодорожная станция? Он знал, что железнодорожные пути к городу еще не подведены, что до ближайшей станции сорок километров. Не могла же знакомая Славина назначать свидание так далеко от дома. Не могла? А почему? Если она не хотела афишировать свое знакомство со Славиным, ей нужно было просто сесть в автобус или такси... А может быть, в городе есть какое-то предприятие, учреждение или завод, который называется этими тремя буквами? Нужно спросить у Киселева или Рогова.

Кстати, Рогов... Нет, не так-то прост этот парень. Ловко он вчера его, старого воробья, заставил проверять ершовские показания. И ведь знал, что Левка наплел, но не стал убеждать его в этом. Сообразил, что ему, Дорохову, самому следует убедиться, что Ершов прет. И ни слова не сказал о Плетневе. Все-таки неясно, зачем понадобилось Воронину и Ершову оговаривать дружинников, особенно Лаврова? Что это они, по собственному почину или по чьей-то подсказке? Случайно ли, что Воронин носил записки парикмахеру, а потом дал ложные показания на того, кто обвиняется в его убийстве? Надо иметь в виду, что осужденные по указу о мелком хулиганстве хоть и отбывают наказание в камерах предварительного заключения, но днем их водят на работу, и они могут встретиться с кем угодно. «Посоветуюсь с Роговым. Он их тут всех знает. Интересно, как у него дела? Кого они с дружинниками разыскали сегодня?»

Дорохов, размышляя, шел на завод знакомиться с Константином Богдановым, еще с одним приятелем Славина, о котором также слышал от его матери. Может быть, тот даст наконец какую-нибудь новую зацепку, наведет на след?

В заводском комитете Дорохову предоставили свободную комнату и вызвали Константина Богданова. Это был мужчина невысокого роста лет тридцати трех – тридцати пяти. На нем ладно сидели джинсы. Короткие рукава черной шелковой рубашки едва прикрывали хорошо тренированные бицепсы и всем напоказ открывали довольно грубые татуировки. На левой руке красовался массивный браслет с квадратными японскими часами «Сейка». Достать «Сейку» даже в Москве не так-то просто. Дорохов знал, что эти часы весом больше ста граммов стали входить в моду, поэтому и продают их с рук втридорога. Вошедший задержался в дверях. На его лице было недоумение. Дорохов еще раз оглядел всю фигуру Богданова, заметил мягкие замшевые туфли, предназначавшиеся не для работы, и про себя решил: «Пижон».

– Вы Богданов?

– Да...

– Это я просил вас зайти. Садитесь, пожалуйста.

Богданов устроился на крае стула и продолжал с явным недоумением рассматривать Дорохова. Полковник протянул ему служебное удостоверение. Богданов прочел его раз, другой и, возвращая документ, с удивлением спросил:

– Что же вам от меня нужно?

– Мне поручили дело об убийстве Славина.

– А-а... – протянул Богданов. – Я знал Сергея. Жалко. Был славный малый.

– Так вот, у меня есть кое-какие неясности, а мать Славина рассказала, что вы с ним дружили.

Богданов вздохнул.

– Дружил. Может быть, особенно крепкой дружбы у нас и не было. Но мы встречались. Сергей бывал у меня дома. В прошлом году вместе ездили в отпуск в Сочи.

– Расскажите о Славине поподробнее, пожалуйста.

– Да что рассказывать-то? Парень он был хороший. Добрый, отзывчивый. Увлекался музыкой. У нас обоих магнитофоны. – Богданов говорил медленно, четкими, короткими фразами. – Я не сторонник пьянства, да и Сергей не очень-то любил выпить. Вот это нас пожалуй, и сблизило. Он был холостой, я тоже. Иногда ходили на танцы. Иногда к знакомым девушкам. Три года назад я купил «Москвич-407», не новый, и сам его ремонтировал. Славин в это время учился на курсах шоферов, он ведь, вы, должно быть, уже слышали, тоже мечтал купить машину. Когда мы познакомились, я как раз приводил в порядок свое детище, и Сергей напросился мне помогать для практики.

– Вы знаете, как он погиб?

– Со слов матери и из разговоров знаю, что его убил какой-то дружинник. Во время ссоры.

– А из-за чего они могли поссориться?

– Трудно сказать, но говорят, этот дружинник уж больно задиристый. Конечно, наводить порядок нужно, дело это доброе, но ходят слухи, что дружинники не всегда пользуются, так сказать, дозволенными средствами.

Перед Дороховым сидел мудрый, взрослый человек, сдержанная настороженность или, скорее, удивление, явно проявившееся вначале, совершенно прошло. Говорил он спокойно, уверенно, смотрел прямо, крупные черты лица, под стать фигуре, олицетворяли силу.

– Скажите, а что за девушка была у Славина?

– У него разные были, постоянством он не отличался. Последнее время дружил с одной медичкой. Серьезная женщина. Раза три мы вместе выезжали за город на моей машине.

– Как вы думаете, не знаком ли с ней дружинник?

– Не знаю. Думаю, что нет. Дружинник-то, говорят, совсем мальчишка, а эта женщина в возрасте. Мне лично представляется, что это несчастье не имеет какой-либо серьезной почвы. Этот парень мог сделать Славину замечание. Сергей – человек вспыльчивый, что-нибудь ответил резкое, дружиннику не понравилось. Больше того, допускаю, что Сергей мог его ударить, а тот, говорят, самбист – не рассчитал своих действий.

Дорохов достал сигареты, закурил, предложил своему собеседнику, но Богданов отодвинул пачку:

– Нет, спасибо, не курю.

– Лавров показывает, что Славин ему угрожал, даже собирался его убить, в руке у него был нож. Что вы об этом думаете?

– Наверное, этому Лаврову ничего не остается, как свалить все на Сергея. Но если бы у Славина появился враг, думаю, мне бы он рассказал. А нож у Сергея был, – Богданов опередил очередной вопрос полковника. – Складной, туристский, с вилкой и ложкой. Он с этим ножом всегда за город ездил да и в отпуск тоже брал.

– Лавров описывает другой нож: большой, охотничий, с пластмассовой ручкой.

- Такого ножа я у Сергея никогда не видел.
- Я хочу вас попросить: напишите все, что мне рассказали.
- Уж лучше вы сами, а то почерк у меня дрянной, да и не силен я в изложении.

Дорохов достал из папки несколько чистых листков бумаги, записал биографические данные Богданова, предупредил его об ответственности за ложные показания и быстро написал протокол. Как выяснилось, Константин Богданов в прошлом был моряк, служил на Северном флоте. Он очень внимательно прочел написанное, взял ручку и в конце показания под диктовку вывел: «Мною прочитано, записано с моих слов верно, в чем и расписываюсь».

На улице парило нестерпимо. Дорохов снял пиджак, перекинул через руку и направился к себе в городской отдел. Наступил обеденный перерыв, а идти в столовую или кафе совсем не хотелось.

- Скажите, пожалуйста, где у вас рынок? – остановил он проходившую мимо женщину.
- Рынок? – улыбнулась та. – Рынка у нас нет. У нас базар... Направо пройдете два квартала и там увидите.

Дорохов направился в указанную сторону. Он знал эти южные базары, крикливые, расцвеченные всеми летними красками. С удовольствием побродил бы сейчас, забыв о том, что привело его в эти края. Но мысли упрямо возвращались к делу. Вчера он надеялся, что беседы с приятелями Славина внесут какую-то ясность, а сегодня, наоборот, все запуталось. Жорж говорит, что Славин жадный, а Богданов, наоборот, считает добрым. Жорж рассказывает, что Сергей никогда не ввязывался в драки, а Богданов говорит, что Славин был вспыльчив, следовательно, запросто мог повздорить с первым встречным, и не только повздорить, по и при случае ударить...

Тем временем он подошел к базару, зажатому в бетон, стекло и пластик. Сделалось как-то грустно, что среди чинных столов из серых мраморных плит, укрепленных на металлических рамах, где были разложены овощи и фрукты, нельзя увидеть добрую, усталую лошадиную морду и телегу, доверху заполненную корзинами с фруктами. Не торгуясь, Дорохов купил большой полосатый арбуз, пристроился с ним возле продавца и попросил у него нож. Пожилой мужчина – скорее, даже старик с прокуренными желтыми усами – протянул ему основательно сточившийся, с узким лезвием нож. Дорохов сразу же узнал узбекский пчак. Вкрапленная в клинок позолота на трех полумесяцах еще сохранилась, а вот отделка на тонкой ручке вся высыпалась. Александр Дмитриевич разрезал арбуз, с удовольствием откусил красную прохладную мякоть и стал рассматривать нож. Есть у него дома в собственной коллекции несколько пчаков, но все их лезвия украшены маленькими пятиконечными звездочками, а здесь полумесяцы; очевидно, этот пчак намного старше своего хозяина и сделан до революции. Продавец, с симпатией поглядывавший на Дорохова, протянул ему кусок белого домашнего хлеба. Хлеб был мягкий, свежий, наверное, испекли его рано утром, прежде чем отправить хозяина с арбузами на базар. Дорохов ел арбуз и мысленно возвращался к разговору с Богдановым и не мог понять, что именно в этом разговоре его насторожило, и в горотдел милиции он шел, размышляя над тем, что же ему не понравилось в облике Богданова. Татуировки? Большой, неуклюжий, от локтя до кисти якорь, обвитый цепью. На правой руке – спасательный круг, на пальцах той же руки – четыре буквы: «Море», обычные морские наколки, выполненные плохим специалистом. Конечно, неприятно, что молодой человек обезобразил себя такими аляповатыми рисунками...

Пристроив пиджак на спинку стула, Дорохов достал из сейфа дело о прошлогодней краже и начал листать документы.

Внезапно, отодвинув в сторону папку, на чистом листе во всю длину Александр Дмитриевич нарисовал пчак, которым только что резал арбуз. Узкое, сточенное лезвие показалось ему

каким-то нереальным, незаконченным, и полковник пририсовал к первому второй нож, лезвием в противоположную сторону. Старый, мирный, предназначенный для арбузов и домашнего обихода нож сразу превратился в хищный обоюдоострый кинжал. Александр Дмитриевич взял мягкий черный карандаш и обвил кинжал неширокой лентой. У вершины ручки лента закончилась злой треугольной головкой с раскрытой пастью, маленьким глазом и длинным тонким жалом. Полюбовался своим рисунком, даже посмотрел на него издали, словно проверяя, так ли уж он хорош. Видно, хотел еще что-то дорисовать, но вошел капитан Киселев, и полковник отодвинул свое «художество» в сторону.

– Скажите, капитан, что такое ЖДС?

«Ну вот, вчера “Снежок”, сегодня ЖДС! Кинжал какой-то со змеей нарисовал... Делать, что ли, ему нечего?» – подумал, а вслух сказал:

– Железнодорожная станция, наверное, в сокращенном виде.

– И я так думаю. Но ведь у вас в городе нет железнодорожной станции.

– Нет, товарищ полковник. До ближайшей сорок километров. Ведут к нам железную дорогу, наверное, на будущий год и у нас будет станция.

– А может быть, есть какое-нибудь учреждение с таким сокращенным названием? Нате, прочтите сами, – и отдал записку, что нашел в кармане халата Славина.

Киселев повертел записку, даже посмотрел ее на свет.

– Может быть, Александр Дмитриевич, это какой-нибудь Жуков Дмитрий Сергеевич.

– Возможно. Но самое интересное, что записку Славину принес Борис Воронин. Тот, что сидит у вас за мелкое хулиганство и уговорил Ершова написать на дружинников. Не думал я, что он еще и в роли почтальона выступал у покойного Славина.

– Давайте его вызовем и спросим.

– Конечно, спросим, только позже. Нужно побольше собрать сведений об этом парне, и самых свежих.

– Да чего собирать-то? У нас его как облупленного знают.

– Неважно. Пусть Рогов им поинтересуется заново. Впрочем, я ему сам об этом скажу. У меня к вам, Захар Яковлевич, две просьбы. Первая – прикажите дежурному доставить ко мне Лаврова, и пусть этот самый дежурный не сетует, если я ему отдам передачу.

– От себя, что ли? – не выдержав, съязвил Киселев.

– Нет, капитан, не от себя, а от его невесты. И еще: поручите дежурному вызвать на завтра ко мне, ну, скажем, к девяти утра, начальников уголовного розыска Степного и Железнодорожного районных отделов вместе с сотрудниками, которые ведут дела по кражам из магазинов. С делами, конечно.

– А в связи с чем, если будут спрашивать?

– Не могу же я только одним делом Лаврова заниматься. Вернусь в Москву, спросят, какая здесь оперативная обстановка, что делают по нераскрытым преступлениям у вас и у соседей. Что я отвечу?

– Как скажете, – недовольно буркнул Киселев, выходя из кабинета.

Всего лишь двое суток прошло со дня их знакомства, а Олег заметно сдал. Под глазами появилась синева, лицо осунулось. Сейчас перед Дороховым стоял глубоко несчастный человек, начинавший терять самообладание и решивший, что все случившееся может обернуться действительно бедой.

Полковник усадил Лаврова, отпустил конвой и подумал, как же вывести парня из подавленного состояния? Он был почти убежден, что если сумеет расшевелить Лаврова, вдохнуть в него оптимизм, то получит четкий, толковый ответ на свой вопрос. А такой ответ был просто необходим. Он был сейчас основным, главным и позволил бы все расставить на свои места.

– Олег, я вчера не вызвал тебя просто потому, что замотался, некогда было. – Парень опустил голову. «Не тот ключ», – решил Дорохов. – Зато теперь я знаю о тебе значительно больше. – Помолчав, внимательно взглянул на парня, тихо добавил: – Мы ищем, ищем тот нож.

Олег сидел все так же безучастно.

– У меня вчера была Зина. Возьми вот тот портфель. Кстати, я не смотрел, что там, так уж не обессудь, взглянем вместе: не полагается передачи передавать без проверки... Хотя твоя невеста вряд ли положит что-нибудь неподходящее, или я ни черта не разбираюсь в людях.

Олег несколько оживился, тут же отставил стул, на котором сидел, и стал выкладывать содержимое портфеля. В пергаментной бумаге были завернуты булочки, видимо, домашней выпечки, кружок колбасы, несколько крупных яблок, помидоры. Учебник по сопротивлению материалов, две тоненькие чистые тетрадки и записка на клочке бумаги.

Лавров близко поднес записку к глазам и стал читать.

«Значит, разбирает и без очков», – отметил про себя полковник.

Настроение у парня явно изменилось к лучшему. Он даже как-то выпрямился. Только книгу отодвинул в сторону.

– Учебник ни к чему. Без очков-то я неважно вижу.

Дорохов положил руку на телефон, хотел позвонить, но потом спросил:

– А в очках как?

– Нормально.

– Значит, там, под аркой, не мог ошибиться?

– Не мог. Когда нож выпал, я даже заметил нарезную сетку на пластмассовой ручке. Правда, может быть, она не нарезная, а отпрессованная, точно сказать не могу.

– У меня, Олег, разговор к тебе особенно важный. Вспомни хорошенько, не упуская ни единой детали, что с тобой происходило в последнее время... ну, скажем, за две недели или за десять дней до случившегося... Где ты бывал? С кем встречался? Ты помнишь историю с Ворониным и Ершовым?

– Возле кинотеатра? Конечно.

– Вот и припомни все другие подобные случаи, пусть и не такие яркие. Одним словом, попытайся воспроизвести каждый свой шаг. А впрочем, давай сделаем так: вот тебе тетрадь и ручка, опиши каждый свой день за две недели, не пропуская ни одной мелочи. Не спи, думай и пиши. Да, подожди. – Он набрал номер телефона. – Товарищ дежурный! Это полковник Дорохов. Возьмите у меня Лаврова и верните ему очки. Те самые, что изъяли при аресте. Под мою ответственность.

Оставшись в кабинете один, Дорохов решил обстоятельно изучить дело о краже из магазина. Преступление, совершенное в прошлом году, накануне ноябрьских праздников, было дерзким. Воры подобрали ключи к двум замкам, однако замок на решетчатой двери склада магазина, где лежала основная часть только что полученного товара, открыть не смогли. Тогда они домкратом отогнули решетки и сделали свободный проход.

Шерстяных изделий взяли изрядно: дамские костюмы, платья, кофты, мужские свитера. Такое количество нелегко продать. Обычно преступники попадают на сбыте, а здесь не всплыло ни одной вещи.

«Вывезли? – подумал полковник. – А может быть, сбывают постепенно, мелкими партиями, а основная часть где-то лежит до сих пор?»

Когда он закончил изучение обоих томов и записал целый перечень вопросов, которые предстояло выяснить, снова пришел Киселев, плюхнулся в кресло и начал рассказывать:

– В оба района сам позвонил. Явятся с делами завтра утром. Кстати, о Борисе Воронине ничего нового нет, работает электриком в отделе главного механика. Живет с матерью и отцом, поступил в заводской техникум. От какой женщины приносил записки парикмахеру, узнать

пока не удалось. На заводе много женщин. Есть красивые одинокие. Но чтобы кто-то из них пользовался услугами этого Воронина или дружил со Славиным, не замечали. Давайте все-таки вызовем его и поговорим.

– Подожди, Захар Яковлевич, еще немного. Сначала я с Ершовым разговор закончу.

Лев Ершов вошел, когда Дорохов читал справку о Борисе Воронине, оставленную капитаном. Полковник молча указал ему на стул, а сам продолжал читать. Синим карандашом Александр Дмитриевич дважды подчеркнул: место работы Воронина – отдел главного механика, тот самый отдел, где работал исчезнувший Степан Ручкин и бывший моряк Богданов. Взглянул на Ершова, тот, насупившись, сидел на краешке стула и ждал от Дорохова новых подвохов. «Видно, дошел до него вчерашний урок, желторотик, совсем желторотик», – подумал полковник и подмигнул Левке:

– Что нос повесил? Боишься, что снова мораль читать буду? Нет, брат, сегодня мне некогда. Есть деловой разговор.

Парень облегченно вздохнул и даже подался вперед:

– Я вот хочу вас попросить...

– Давай.

– Порвите тот протокол, где я про Лаврова наврал.

– О протоколе потом. Хорошо, конечно, что сам решился об этом заговорить. Но вот о чем, братец ты мой, расскажи, почему вы с Борисом решили оговорить Лаврова? Только условие: или говори чистую правду, или не отвечай совсем.

Ершов вздохнул, немного помолчал, рассматривая ногти на своих руках.

– Расскажу. Что убили парикмахера, нам утром сказали. Мы с Борисом вышли тогда умываться, а один малый... – Ершов замаялся, – он и шепнул про Сергея. Днем нас повезли на работу – овощи на базе перебирать. Сказали каждому, что за день полагается сделать, а Борька говорит: «Ты тут за двоих повкалывай, а я махну через забор и из дому пожевать чего-нибудь принесу да про Серегу узнаю». К концу работы вернулся, колбасы притащил и два батона, а узнать ничего не узнал. Потом через два дня снова домой рванул, а вечером лежим в камере, он и говорит, что Сергея убили дружинники. Они решили расправу устроить. Нас посадили, парикмахера убили, а потом и за тех примутся, кто в беседке собирается. Полежали мы, поговорили и решили пойти к капитану и немного наврать на очкарика, чтобы он не выпутался.

– Кто предложил, ты или Борис?

Наверное, впервые в жизни Левка на подобный вопрос ответил искренне и без запинки:

– Борис, но и я, конечно, согласился. – Ершов все-таки не смог удержаться от привычки выгораживать приятелей.

– Кстати, расскажи, Лева, что за ребята в беседке собираются?

– Наши, заводские. Приходят туда, песни поют, на аккордеоне и гитарах играют. Кто с бутылкой, но больше так. Из дворов гоняют, говорят – спать не даем. Из подъездов тоже. Во Дворец культуры без билетов не пускают. Вот и идут в беседку.

– В карты играют?

– И в карты, и в домино.

– А кто там у вас всем заправляет?

– Гена и еще Зюзя.

– Они что же, судились?

– Почему судились? – искренне удивился Ершов. – Гена песни всякие сочиняет, музыку подбирает. Даже на конкурс посылал, только вот ответа до сих пор нет. А во Дворце культуры Генка знаете какой джаз организовал! Потом поссорился с директором, и тот его выгнал.

– А кто такой Зюзя?

– Да Ваську так зовут, который из автобазы. Зюзин его фамилия. У него такая маленькая записная книжечка, он туда сокращенно анекдоты записывает. Как услышит новый, так в книжку. Хочет потом, под старость, напечатать.

– А судимых там много?

– Есть, – смутился Ершов. – Вот я судимый, потом Борька Воронин, еще Толик...

– А из взрослых кто?

– Взрослые тоже приходят. Степан Ручкин на гитаре хорошо играет. Федя – баянист. Иногда парикмахер заходил. Многие бывают.

– Ты меня не понял, Лева. Кто из постоянных посетителей беседки – взрослых я имею в виду – раньше судился?

– Степан Ручкин судился за драку, парикмахер – за кражи. Дядя Леша приходил. Только он еще в прошлом году в Сибирь завербовался. Жалко, что уехал: хорошие песни знал и рассказывал интересно.

– А о преступлениях у вас заходит разговор?

– Бывает. В прошлом году, когда обворовали наш трикотажный магазин, мы все гадали, чья это работа?

– Ну и как?

– Решили, что «залетные». Ну а теперь там, наверное, только и разговору про Лаврова да про Серегу-парикмахера. Мы-то уж с Ворониным вторую неделю в беседке не были, здесь, в милиции, живем.

Дорохов изучающе смотрел на Ершова и думал, спросить у него или не спросить о записках, которые носил Воронин Слаvinу? И решил: «Рано еще, спрошу после разговора с Борисом». Отправляя Ершова в камеру, полковник его предупредил:

– О нашем разговоре чтоб никому ни слова. Особенно Воронину.

– Ладно, – не очень уверенно ответил Левка.

А дружинники тем временем продолжали обход квартир. Мальцева с Зотовым снова отправились в подъезд, где накануне были. Они несколько раз звонили в квартиру Ручкина, надеясь, что кто-то откликнется. Но раскрылась дверь соседей. На пороге появилась вчерашняя знакомая, Александра Семеновна, и сразу полился словесный ливень:

– Вы зря звоните. Он еще не приехал. Я его тоже жду: вдруг ему не повезло, и он приедет обратно с Олечкой. Вот тогда я ему буду нужна как воздух. Он скажет: «Александра Семеновна, присматривайте за моей девочкой». И мы с Георгием будем за ней ухаживать.

– Ты звала, Лесинька? – за спиной женщины появился ее тщедушный супруг.

– Нет, Георгий, не звала. Я говорю молодым людям, что жду, когда Степан отдаст нам свою дочку.

– Тогда почему мы все тут стоим? Почему молодые люди не заходят в квартиру?

– А может быть, молодые люди торопятся, – возразила женщина.

– Мы действительно торопимся, – начала Зина, но ее остановил Зотов.

– Если можно, мы зайдем, – сказал он и чуть ли не насильно втолкнул в дверь Мальцеву.

В комнате Зотов обратился к хозяину:

– Вчера, Георгий Михайлович, вы говорили, что после вас туда... ну, на то самое место, пришел молодой мужчина.

– Ничего он не говорил, – перебила хозяйка. – Это я говорила. Ну, пришел? Так и что? Вы знаете, сколько там сбежалось народу?

– Подожди, Александра. Раз молодой человек спрашивает, ему нужно рассказать.

– Нет, вы подумайте! – всплеснула руками женщина. – Ему мало, что мы все подробно написали, ему надо еще рассказать! Георгий, я прошу тебя, иди и ложись в постель и не волнуйся.

Мужчина нехотя, медленно переступая длинными, как у журавля, ногами, удалился в спальню. Женщина, завладев полем брани, победно взглянула на дружинников:

– Вы хотите знать подробности? Так почитайте протокол, там гражданин следователь все записал на двух страницах. Он записал, я прочла и расписалась. Больше мы с Георгием ничего не знаем...

Зотов хотел что-то спросить, но теперь уже Мальцева чуть ли не насильно вытащила его из квартиры.

– Слушай, они определенно что-то скрывают.

– Честно говоря, я тоже так подумал и хотел выяснить...

– Бесплезно, – махнула рукой Зина. – А ты завтра как работаешь? С утра?

– Нет, во вторую.

– Тогда придем пораньше, и, как только женщина уйдет, мы поговорим с самим хозяином.

– Что же, мы ее караулить будем?

– Покараулим. В магазин-то она, наверное, ходит.

– Ну что ж, это идея.

Александр Дмитриевич велел дежурному разыскать Рогова и попросил зайти к нему. Когда тот появился, полковник показал ему записку, найденную в халате Славина, Евгений несколько раз прочел ее.

– В Железнодорожном районе, товарищ полковник, возле вокзала открылось новое кафе. Кто знает, может, тут о нем говорится. Но почему понадобилось встречаться именно там, а не у нас в городе? Может быть, провожали кого-нибудь в отпуск и ждать поезда решили в кафе?

– Возможно. Но я еще тебе не все сказал. Записки Славина получал не раз, и всегда их приносил Борис Воронин.

– Воронин? – Рогов от удивления даже присвистнул. – Любопытно! Я наводил справки о нем и о Ершове, но за последнее время никто ничего плохого о них не говорит. Вот только дома у Воронина давно не был.

– Пока не ходи... Завтра поговорим с ним, тогда решим, что дальше делать. Я хотел его сегодня вызвать – кстати, и Киселев предлагал, – но пока воздержался. Если в этих записках и встречах не все чисто – днем, когда их отправят на работу, Воронин кого угодно предупредит. Слушай, Женя, а ты завтра что делаешь?

– Мы с ребятами договорились с утра продолжать начатые поиски.

– У меня другое предложение. Понаблюдайте на овощной базе за этими хулиганами. Мне Ершов рассказал, что Воронин частенько с работы сбегает. Кстати, выяснилось, что дать ложные показания на Лаврова подговорил тоже Воронин.

– Хорошо, Александр Дмитриевич, с Воронина глаз не спущу.

– А сейчас, Женя, давай с тобой со стороны посмотрим на злополучную беседку. Уж больно много о ней разговоров. Ты завсегда-то тамошних знаешь?

– Знаю.

– Вот и отлично. И я хочу с ними познакомиться.

В сквере Дорохов и Рогов свернули на боковую аллею и направились к беседке. Издали до них донеслась песня. Под переборы гитары пело несколько человек. Пели стройно, вполголоса. В песню тихо влетался аккордеон. Смолкали певцы, и аккомпанемент звучал громче. Дорохов не знал этой мелодии, а слов нельзя было разобрать. Он прислушался.

– Красивая песня.

– Что-то новое, – сказал Рогов и уверенно направился к кустам, обогнул один, другой и, приглашая Дорохова, указал на скамейку, кем-то перенесенную с аллеи в самую гущу деревьев.

– Давайте посидим, послушаем.

– Давай, – опускаясь на скамейку, согласился Дорохов, – послушаем, а ты Расскажи мне об этих музыкантах.

– Постоянных посетителей в беседке человек десять. Ну, кроме них приходит еще всякий народ. Сегодня один, завтра другой. Иной вечер человек двадцать соберется, а если в клубе новый фильм или концерт интересный, то в беседке сидит один какой-нибудь горемыка, не доставший билет. А главные у них, вокруг которых все собираются, Геннадий Житков, Павел Львовский да Васька Зюзин.

– Расскажи о каждом.

– Житков работает на заводе лекальщиком. Ему двадцать семь лет, холостой, зарабатывает хорошо, живет с родителями, почти не пьет, с детства любит музыку, играет на разных инструментах. В прошлом году ездил в Москву и купил итальянский аккордеон, очень дорогой. Деньги на него копил несколько лет. Еще мальчишкой сбежал из дому и поехал поступать в Ставрополь в музыкальное училище. Его приняли, месяца два он проучился, а потом исключили. За что, толком никто и не знает. Сам он об этом не говорит. Слух у него исключительный. Услышит в кино новую песню, а назавтра в беседке ее без всяких ошибок на аккордеоне играет. За Геной по пятам ходит его дружок Павел Львовский. У того гитара. Он помоложе, но играет тоже здорово. Павел учится в нашем заводском техникуме на последнем курсе. Сначала они оба в музыкальном кружке при техникуме были, а потом во Дворец культуры перешли. Житков джаз организовал. Прекрасный был джаз, да вскоре распался. Вначале Генка ушел, а за ним и Павел. А то, что ушли, можно ребят понять. Играл Генка на клубном аккордеоне. Появился во Дворце культуры новый массовик, не из умных, надо прямо сказать. Забрал у Житкова аккордеон, с которым тот не расставался. Не доверил. Генка обиделся и ушел. А буквально через несколько дней во Дворце культуры – кража. Исчезли саксофон, флейта и этот самый аккордеон. Массовик поднял шум, немедленно к нам: все это, мол, дело рук Житкова и Львовского. Георгий Петрович сам с этой кражей разбирался, несколько раз с Геннадием и Павлом разговаривал. Через неделю встречает меня Житков: «Передай Макарову, что все инструменты на чердаке семиэтажки лежат целехонькие. Кто украл, знаю, но не скажу... Только учтите, я к этому делу никакого отношения не имею». Мы с начальником уголовного розыска туда. Действительно, инструменты лежат целехонькие. Георгий Петрович послал меня за экспертом, она обнаружила на инструментах отпечатки пальцев, а потом у себя в картотеке нашла преступника. Оказался местный один. Он, кстати, никакого отношения к посетителям беседки не имел. Я Геннадия несколько раз спрашивал, как он узнал про инструменты, но тот ни мне, ни Макарову ни слова. Георгий Петрович уговаривал Житкова вернуться во Дворец культуры, но он уперся, говорит: «Пока этот дурак на месте, ноги моей во Дворце культуры не будет». Павел Львовский считает Житкова своим учителем и от него ни на шаг. Играют они отлично. У Пашки еще и голос хороший, ну, вот к ним и липнут ребята, а им приятно. Им ведь слушатели нужны.

– Что же они исполняют?

– Да что хотите. Иду как-то вечером мимо, смотрю: в беседке полно народу, а эти двое полонез Огинского играют, и все притихли, слушают. А другой раз блатные песни чуть ли не во всю глотку орут. Тут был у нас один тип, Алексей Приходько, постарше вас. Раза четыре судился за ограбления. Так он столько блатных песен знал, что и не перечислишь. Голоса никакого, а память отличная. В городе его сейчас нет. Куда-то на лесозаготовки завербовался. Третий заводила – Зюзин Василий, слесарем на автобазе работает. На работе исполнительный, серьезный, а в компании кривляется, паясничает, анекдоты сыплет, словно из мешка. И где он их только отыскивает?

В подтверждение его слов в беседке взорвался хохот. Рогов прислушался:

– Зюзя, наверное, что-нибудь отмочил.

Дорохов встал и предложил:

– Пойдем туда, хочу познакомиться с этой братвой поближе.
Они подходили к беседке, а там запели другую песню. Теперь уже можно было разобрать слова:

Централка, все ночи, полные огня;
Централка, зачем сгубила ты меня?
Централка, я твой бессменный арестант,
Пропали юность и талант
В стенах твоих.

Песня звучала все громче и громче. Но вдруг оборвалась на полуслове.

– Ну, что же вы перестали? – усмехнулся подошедший Дорохов. – Пойте. Отличная песня, ей лет сто, а может быть, и больше, а сочинили ее знаете где?

В беседке возле стола сидело человек десять парней. Чуть в стороне, на отдельной скамейке расположились двое гитаристов и аккордеонист. При появлении незнакомого человека в сопровождении всем им известного Рогова кто-то убрал со стола стакан, кто-то прикрыл газетой нехитрую закуску: хлеб, помидоры и остатки селедки.

Ребята, насторожившись, молчали.

– Подвинься, – попросил полковник крайнего, сидевшего за столом. Сел на его место. Оглядел всех, приподнял газету: – Небогато у вас. – Дорохов отщипнул корку хлеба, медленно разжевал.

Рогов уселся в сторонке, рядом с высоким гитаристом.

– Молчите, значит, не знаете об этой песне. Ну тогда я сам расскажу. В начале прошлого века в тайге, за Иркутском, построили большую каторжную тюрьму и по имени царя Александра назвали ее «Александровский централ». Страшная была тюрьма, с каменными мешками вместо карцеров, холодная, сырая. Строили ее для политических. Много там погибло людей, смелых, талантливых, настоящих. Вот там и родилась эта песня... А клуб у вас хоть куда, ничего не скажешь. Тесновато, правда, да и крыша малость протекает. Ну, сейчас-то ничего, а зимой куда же?

Шустрый парень, тот, который спрятал стакан, усмехнулся: осень и зима теплые, а крышу в беседке починить можно.

За столом напротив Дорохова сидел молодой человек лет девятнадцати. Он внимательно смотрел на полковника, а потом спросил:

– Вы полковник из МУРа?

– Почти, – улыбнулся Александр Дмитриевич. А про себя отметил, что весть о его приезде распространилась очень быстро. – МУР – это Московский уголовный розыск, а я работаю в уголовном розыске страны.

Глядя на собравшихся, Александр Дмитриевич выделил парня, сидевшего в центре компании. На нем была белая водолазка, старательно расчесанные длинные белесые волосы блестели в электрическом свете и крупными локонами спускались на плечи. Он зло посматривал на Дорохова и Рогова.

– Приехали дружинников выгораживать? – с вызовом заговорил он. – Ваши дружиннички и так никому проходу не дают. Мы, видите ли, живем не так. Песни не те поем, водку пьем. А пьем-то на свои. – Парень дурашливо растопырил руки. – Ну, плохого-то, плохого что мы делаем?

Рогов подошел к парню, похлопал его по плечу:

– Так уж и ничего? А ты, Вася, расскажи полковнику пару своих анекдотов, он и сам разберется. От твоих анекдотов даже у серого кота шерсть дыбом встает, а у ваших музыкантов слух пропадает. Или лучше похвастай, как Лешку Цыбикова избил.

– Не бил Зюзя Цыбика, – вмешался худой рыжеватый парень, сидевший рядом с Дороховым. – А попало ему за дело. Он у пацана в ремесленном взял деньги и не отдает. А пацан год их копил на фотоаппарат.

– Так, так... Значит, у вас тут не только веселье, тут же и суд, тут же и расправа, – усмехнулся Дорохов. – Пойдем, Евгений, не будем мешать. Счастливо оставаться.

Как только они отошли от беседки, вслед им хлестнула озорная утесовская «Мурка»: «Ты зашухерила всю нашу малину и пошла работать в губчека».

– Вы обратили внимание, что музыкальная тройка все время молчала?

– Да, уж не снизошла до разговора...

– Но и не помешала. А это уже сдвиг. Один раз мы пришли с Макаровым, поговорить по душам хотели, а они такой концерт закатили, что и слова не вымолвишь. А в общем, знаете, Александр Дмитриевич, в беседку ребята идут оттого, что деваться некуда. Одни повеселиться хотят, другим дома немогуту сидеть. В кино ходил один раз, другой, а на третий нет полтинника на билет, или уже все картины видел. Во Дворец культуры идти на танцы, так опять-таки не все их любят. Вот и идут сюда. Здесь все свои, спрос меньше, никто не воспитывает, никто шпаной отпетой не называет. Привольно им здесь.

– Ну а насчет преступления здесь тоже договориться можно? – спросил Дорохов.

– Открыто, чтобы все знали, вряд ли. Вот я рассказал, что кража музыкальных инструментов из Дворца культуры была, так я однажды с Житковым разговорился и спросил его, почему он не забрал себе аккордеон с чердака, где был спрятан. Генка удивленно посмотрел на меня и говорит: «Дурак ты, Рогов, и как тебя во внештатные взяли? Зачем же мне тот аккордеон, если он краденый?» Я так думаю, что если кто из них и обсуждает преступные планы, то где-нибудь под кустом и с глазу на глаз. Подраться, похулиганить они способны, а вот грабить или воровать не пойдут. – Рогов вздохнул, раскурил сигарету. – Большинство, по крайней мере.

Они молча подошли к гостинице. Возле здания стояло несколько скамеек.

– Посидим, – предложил Дорохов, – я что-то устал.

Рогов уселся рядом.

– А как думаешь, Евгений, если бы там Житков или, скажем, Зюзин, вдруг решились что-то украсть и пригласили кого-нибудь из тех, что возле крутятся, на кражу пошли бы они с ними?

– Нет, скорее всего, – не сразу ответил Рогов.

– Видишь, Женя, я хочу тебя навести вот на какую мысль. Если на смену здешним заводам появится дядя типа того, что уехал на лесозаготовки, то может ли все измениться? Он ведь в большом авторитете был.

– Кто его знает, – вздохнул Рогов. – Все может быть, Александр Дмитриевич.

– Конечно, смешно считать, что дело в самой беседке. Сломать ее нетрудно, но ведь будут собираться в другом месте. А в подобных компаниях, по опыту знаю, очень быстро распространяется дурное влияние. Мальчишки-то живут без серьезных увлечений, интересы их довольно примитивны, неразвиты. Да и что опасно – пьют они частенько и считают, что это в порядке вещей. Нужно, Женя, подумать, как «приручить» этих ребят. Жаль, что твоих дружинников они считают представителями чуть ли не враждебного лагеря. Особенно важно вернуть расположение Житкова, который, естественно, на всех обиделся после того, как на него пало подозрение в краже инструментов. Попробуйте найти к нему ключик. И вот что думаю: не всех ты там раскурил. Может быть, уже сейчас кто-то пытается эту компанию прибрать к рукам. Надо быстрее действовать, а то будет поздно. Подумайте, поищите способ увлечь парней каким-то интересным делом.

Попрощавшись с Роговым, полковник направился было в гостиницу, но раздумал и быстро пошел к зданию почты. Отправил телеграмму в Москву и, насвистывая мотив песенки, которую услышал возле беседки, вернулся в гостиницу.

Рано утром выспавшийся, свежий, в хорошем настроении, Дорохов пришел в городской отдел. В дежурной части встретил Киселева.

– С добрым утром, Александр Дмитриевич!

– С добрым, с добрым. Что нового?

– Происшествий не было. Степняки уже прибыли, из Железнодорожного полчаса назад звонили и сказали, что выезжают.

– Как все соберутся, так и заходите. Рогова не забудьте прихватить... Ушел с дружинниками? Забыл совсем, я его послал за мелкими хулиганами понаблюдать.

– Он мне докладывал.

– Ну и отлично.

Вскоре собрались все вызванные. Полковник познакомился с каждым. Собралось всего шесть человек: трое из Железнодорожного района, двое из Степного и Киселев. Заглянув в свои заметки, Дорохов встал:

– Я хочу с вами посоветоваться, обменяться мнениями. Давайте устроим брейнсторминг.

Собравшиеся вопросительно переглянулись, полковник перехватил их взгляды, усмехнулся:

– Недавно я вычитал в одной книжке по психологии, что существует такой метод. В переводе с английского «брейнсторминг» означает «мозговая атака». В общем, все просто: собираются знающие люди вместе и думают, как лучше разрешить сложную проблему. Этот метод у нас на Руси известен с незапамятных времен. Правда, именовался он иначе: «Ум хорошо, а два лучше». У нас же тут собралось целых семь умов. А проблема – раскрытие краж. Начнем с Железнодорожного. У вас сколько нераскрытых краж?

– Две, товарищ полковник! – ответил аккуратный, подтянутый майор лет тридцати восьми – сорока.

– Вот и расскажите, пожалуйста, подробнее все обстоятельства.

– Первая кража из магазина «Обувь» была в июле прошлого года. Преступники взломали замки и вывезли на машине обувь. Одиннадцать дней назад около полуночи совершена кража из магазина «Ткани». Перед кражей воры угнали частный автомобиль «москвич». Мы его объявили в розыск. Постовой милиционер, зная номер украденной машины, заметил ее возле магазина, пытался задержать, но преступники сбили его с ног, повредили ему бедро и бросили машину на окраине города. В ней мы нашли бирку от шерстяного материала – целого рулона. Постовой заметил в машине двух мужчин, оба взрослые, в чем-то темном, без головных уборов. Магазин мы тщательно осмотрели, но никаких улик. Преступники сорвали пломбы, открыли три замка, причем без единой царапины. Перед уходом воры наружный замок снова закрыли, кое-как подвесили пломбы. Украл несколько рулонов дорогих материалов. По этому делу тоже пока ничего нет.

– Милиционер может их опознать?

– Нет, товарищ полковник. К сожалению, не сможет. Он успел рассмотреть лишь в общих чертах: мужчины, двое, и все. Кстати, машиной они пользовались около двух часов и, судя по спидометру, проехали всего семь километров. Случайно хозяин точно запомнил показание спидометра. Мы проверили все возможные версии, сигналы, всех подозрительных, но, – майор развел руками, – и преступники, и похищенное точно в воду канули.

– Спасибо. Садитесь, пожалуйста. Послушаем начальника уголовного розыска Степного района, – предложил Дорохов.

Поднялся поджарый капитан. На медном от загара лице выделялись темно-карие серьезные глаза, под носом топорщились усики, выгоревший на солнце чуб свисал на лоб. «Из казаков», – решил Дорохов и сразу припомнил дядьку, торговавшего вчера арбузами.

– У нас кража была двадцать седьмого апреля, тоже с субботы на воскресенье. Магазин стоит посредине станицы. Новый, недавно построили. Преступники по переулку подъехали ночью на машине к задней стене, взобрались на крышу, проникли на чердак. Прорезали потолочное перекрытие и спустились в магазин. Из кабинета директора унесли маленький железный ящик. В нем были документы и денег тысяча девятьсот рублей. Из товаров мало что взяли. У нас магазин смешанный. В одной стороне промтовары, а в другой – продукты. В гастрономическом отделе воры взяли головку сыра, несколько банок шпротов и полтора десятка бутылок марочного коньяка. Судя по всему, орудовали двое. Но, кроме следов протектора от машины, мы никаких вещественных доказательств не нашли.

– А отпечатки пальцев где-либо отыскали?

– Ни одного. У нас в Степном нашли шесть окурков от сигарет «Опал». Есть анализ слюны.

– У вас в Железнодорожном есть отпечатки пальцев?

– Тоже нет, товарищ полковник.

– А в автомашине, которую угнали преступники?

– В «москвиче» мы каждый следочек обработали, но, кроме отпечатков пальцев владельца и его жены, не оказалось ни одного мазка. Окурки были от «Беломорканала» и три обертки от конфет.

– От каких конфет? – заерзал на стуле капитан Киселев.

– Конфеты московские, фабрики имени Бабаева, «Снежок». Хозяин и его жена к конфетам отношения не имеют.

– Интересно, очень интересно, – оживился Дорохов.

В кабинет вошел старший лейтенант милиции. Он лихо щелкнул каблучками, кинул руку к козырьку и доложил:

– Товарищ полковник! Вас к телефону, в дежурную часть.

– Из Москвы?

– Нет, по местному. Говорят, срочно.

– Извините, товарищи. Пока посоветуйтесь сами. – Полковник вышел в дежурную комнату, взял трубку и назвал свою фамилию.

– Александр Дмитриевич! Здравствуйте, это Зина Мальцева. Олег говорит правду, нож был. Мы с Зотовым нашли свидетелей. Они видели нож. Приезжайте скорее! – голос девушки дрожал, прерывался.

– Где вы находитесь? – обдумывая, как поступить, спросил Дорохов. – В том доме, где все случилось? Корпус «А», квартира пятьдесят восемь? А говорите откуда? Из автомата? Подождите минутку. – У вас есть машина? – обратился он к дежурному.

– Есть, товарищ полковник.

– Зина! Вы слышите меня? Ждите во дворе, сейчас приеду... Старший лейтенант, передайте капитану Киселеву, что я на некоторое время отлучусь и приношу мои извинения. Пусть перерыв сделают...

Зина Мальцева не могла стоять на месте и в нетерпении ходила взад-вперед возле подъезда. Заметив милиционерскую «Волгу», бросилась навстречу.

– Александр Дмитриевич! Мы еще в первый день с Зотовым подумали, что она врет и мужу не разрешает сказать правду. Пришли второй раз – она просто не дала ему говорить... Сегодня мы сели в беседке и стали следить. Как только она ушла – сразу к нему, и Георгий Михайлович все рассказал. Идемте скорее...

Ничего толком не поняв, Дорохов поспешил за Зиной. Дверь им открыл Зотов. Видно, он уже освоился в чужой квартире.

– Здравствуйте, товарищ полковник, – обрадовался он Дорохову. – Идемте, Георгий Михайлович вам заявление пишет.

За столом сидел хозяин квартиры, какой-то взъерошенный, растерянный. Увидев Дорохова, покорно встал, и дружинники, перебивая друг друга, рассказали, что Георгий Михайлович Кривоконь вместе со своей женой первыми подошли к убитому и увидели нож.

– Да, я видел нож. Большой, блестящий, с белой ручкой. Потом подошел молодой человек, взял этот нож, подержал его у меня перед носом и спрятал в карман. А мне сказал, чтобы мы с женой помалкивали. Он ушел, а мы молчали. Но вот эти дети, – он указал на дружинников, – мне, старому человеку, начали объяснять, что такое правда, и мне стало стыдно за себя и за жену. И я подумал, что не имею права молчать. Пусть теперь меня судят, так мне и надо, старому дураку, но я расскажу все, как было. Когда мы гуляли, к нам подбежал высокий юноша в очках и сказал, что человеку плохо, и стал просить, чтобы мы к нему подошли. Под аркой я увидел парикмахера. Он лежал на боку и даже не стонал. Недалеко от него, по правую руку, валялся большой нож с белой ручкой. Жена нагнулась к парикмахеру, а к нам подошел еще этот молодой человек, пощупал у парикмахера пульс, потом сказал, что дело плохо, и взял нож. Потом замахнулся на нас этим ножом и говорит, чтобы мы не боялись, что он шутит, но если мы расскажем, что видели его и этот нож, то он нас найдет даже на том свете. Когда мы шли в милицию, жена мне говорит: «Георгий, зачем нам тот свет? Давай будем тихо жить на этом. Если нужно милиции, пусть сами ищут нож». И мы не сказали...

– Вот что, Зина! Мы втроем поедem в отдел, а вы подождите во дворе Александру Семеновну и вместе с ней приходите, – решил Дорохов. – Я бы оставил Зотова, но он мне понадобится.

Вернувшись в кабинет, полковник объявил собравшимся, что в связи с обстоятельствами, не терпящими отлагательства, ему придется прервать совещание.

– У вас возле железнодорожной станции есть буфет? – спросил он у майора.

– Есть, новый, красивый, недавно построили.

– Тогда свяжитесь, пожалуйста, со своими ребятами по телефону. Пусть они выяснят у работников буфета, не заметили ли они перед кражей каких-либо подозрительных среди посетителей. Если заметили, хорошо бы узнать их приметы. – Порывшись в документах, он отыскал записку, что нашел в кармане халата парикмахера, и передал ее майору. – Идите к Киселеву, он все вам расскажет. – А сам приказал по телефону дежурному немедленно доставить к нему арестованного Лаврова.

– Все, Олег, – сказал он Лаврову, как только тот переступил порог кабинета. – Кончились твои неприятности. Невеста твоя – заметь, именно она – отыскала свидетелей, видевших нож. Посиди пока у меня здесь, я должен тут кое-что выяснить.

Зина Мальцева дожидалась прихода жены Георгия Михайловича. От радостного возбуждения она не могла найти себе места. Ей вдруг представилось, что сейчас, сию минуту освободят Олега и, когда он придет домой, с его родителями от неожиданности что-то случится. «Ведь и от радости бывает инфаркт, – с тревогой подумала она. – Пойду-ка я позвоню им, подготовлю». Зина опроретью бросилась к телефону, что был за углом дома.

Из автомата девушка вышла успокоенная и медленно побрела на свой «наблюдательный пост». Возле подъезда она остановилась и снова забеспокоилась. Ей подумалось, что ждет напрасно, что, пока она звонила, Александра Семеновна уже вернулась и сидит дома, а она тут стоит зря и, может быть, оттягивает освобождение Олега. Девушка бросилась в подъезд, торопливо подбежала к квартире и нажала на кнопку звонка. Но дверь ей никто не открыл. Она постояла на лестничной площадке и так, на всякий случай, позвонила в дверь напротив. Открыл высокий, плотный мужчина. Он был в расстегнутой серой рубашке, синих джинсах, босиком. Увидев девушку, быстро, так что она не успела рассмотреть, что-то спрятал за спину и довольно грубо спросил:

– Что надо?

– Вы уже вернулись? А где Олечка? – От неожиданной встречи Зина растерялась и говорила явно невпопад.

Ручкин буркнул, что это не ее дело, и резко закрыл дверь. Девушка снова позвонила. Не дожидаясь, пока откроется дверь, она закричала:

– Откройте, Степан! Меня посылал к вам Олег. Я приходила несколько раз, но вас все не было.

Ручкин открыл дверь и сердито спросил:

– Что же Олег сам не пришел?

– Как же он может прийти! – Зина прижала к груди руки и подалась вперед. – Он ведь в тюрьме.

– В тюрьме? Ну что ты городишь! Разыграть решила? – Ручкин рассердился и опустил руки. Зина увидела мокрую половую тряпку, с которой тоненькой струйкой стекала вода. Степан отбросил ее в сторону. – Ну, заходи, да расскажи все толком. А я вот, – он пнул босой ногой тряпку и криво усмехнулся, – занимаюсь уборкой. Идем на кухню, там уже прибрал.

На кухне действительно было чисто и даже кафель над газовой плитой сиял белизной.

– Что же случилось с Олегом? Ты толково, по-человечески можешь рассказать? – Степан критически оглядел Зину с ног до головы.

– Седьмого августа, когда Олег вышел от вас, на него напал Славин, хотел убить, замахнулся ножом.

– Подожди, – перебил ее Ручкин. – Это какой же Славин?

– Парикмахер.

– Серега? Странно!

– Ну вот, Олег оборонялся и применил самбо, выбил нож, а парикмахера отбросил. Славин упал, ударился головой об асфальт и умер. Олега арестовали, потому что нож исчез и ему не верят, что Славин напал первый.

– Вот так дела... Я же ничего не знал. Где это случилось?

– С той стороны двора, под аркой.

Ручкин вскочил, зачем-то посмотрел в окно, снова повернулся к девушке:

– Какой был нож?

– Олег говорил, большой, с белой ручкой, а на ней насечка.

– Куда же он делся?

– До сегодняшнего дня никто не знал. А сегодня ваш сосед Кривоконь Георгий Михайлович рассказал, что видел нож, но его забрал какой-то тип и припугнул их с женой: если, мол, скажут, то он этим же ножом их зарежет.

Степан метнулся в комнату, прямо на босу ногу надел сандалии и грубо потребовал:

– Ты иди. В милицию. Я туда сам приду и принесу нож. Я знаю этот нож и знаю, у кого он может находиться.

Дорохов решил прочитать записи Лаврова, но в кабинет точно пуля ворвалась Зина. Она бросилась к Олегу, обняла его, а потом, вдруг застеснявшись Дорохова, отпрянула в сторону, путаясь в словах, стала рассказывать, как отыскался Ручкин, как, узнав об Олеге, очень взволнованный, убежал куда-то за ножом.

Дорохов попросил Зину вспомнить и точно повторить, что сказал Ручкин.

– Он говорил, что знает, у кого нож, что возьмет его и принесет вам.

– Вот это уж совсем плохо! – Дорохов поспешно набрал номер.

Увидев входящего к нему ответственного дежурного, отодвинул телефон:

– Я как раз вам звонил.

– Вам телеграмма из Москвы.

«На ваш запрос сообщаем, – читал Дорохов, – что интересующий вас человек судим четыре раза за квалифицированные кражи из магазинов, признан судом опасным рецидивистом. Последний раз освобожден из мест заключения шесть лет назад. Один год проживал по месту рождения, а потом уехал, не указав нового местожительства. Имеет татуировки. На левом предплечье кинжал, обвитый змеей».

Дорохов попросил дежурного распорядиться, чтобы машину никуда не отправляли, а сотрудники из отдела не отлучались. Вошедший в кабинет Киселев с удивлением слушал эти распоряжения.

– Что случилось, Александр Дмитриевич?

Дорохов протянул ему телеграмму, тот прочел, хотел что-то спросить, но полковник его остановил:

– Соседи разъехались?

– Да нет, сидят у меня в кабинете.

– Тогда пусть останутся... Возможно, им тоже найдется работа. А ты, Захар Яковлевич, отыщи свободный кабинет. Пусть там Лавров пока побудет. Мне думается, что еще некоторое время ему не следует показываться в городе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.